

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ
НА БЕРЕГАХ НЕВЫ**

(от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)

С.-Петербург
2013

ББК 26.3

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. 416 с., 88 ил.

Academic archaeology on the banks of the Neva (from RAHMC to IHMC RAS, 1919–2014). St. Petersburg: «DMITRY BULANIN», 2013. 416 p., 88 il.

ISBN 978-5-86007-764-5

Ответственный редактор-составитель: чл.-корр. РАН Е. Н. Носов
Compiler and Editor-in-Chief: Corresponding member of RAS E. N. Nosov

Коллектив авторов:

Е. Н. Носов, С. А. Васильев, В. Я. Шумкин, В. Е. Щелинский, В. А. Алёхин, Ю. А. Вишegradov,
Н. И. Платонова, А. Н. Кирпичников, Н. Ф. Соловьёва, Г. И. Зайцева, А. Н. Егорьев, Г. В. Длужневская,
Р. Ш. Левина (*), Л. М. Всевиов, Е. В. Бобровская, Н. В. Хвошчинская, Л. Б. Кирчо

Authors:

E. N. Nosov, S. A. Vasiliev, V. Ya. Shumkin, V. E. Shchelinsky, V. A. Alekshin, Yu. A. Vinogradov,
N. I. Platonova, A. N. Kirpichnikov, N. F. Solovieva, G. I. Zaitseva, A. N. Egor'kov, G. V. Dluzhnevskaya,
R. Sh. Levina (*), L. M. Vseviiov, E. V. Bobrovskaya, N. V. Khvoshchinskaya, L. B. Kircho

Подготовка к изданию:

Л. Б. Кирчо (координатор), В. Я. Стёганцева (редактирование и обработка иллюстраций),
С. В. Белецкий, Е. В. Бобровская, Л. Б. Вишняцкий (перевод), Г. А. Кузнецова

Editorial preparation:

L. B. Kircho (coordinator), V. Ya. Stegantseva (graphic editor),
S. V. Beletsky, E. V. Bobrovskaya, L. B. Vishnyatsky (translation), G. A. Kuznetsova

Эта книга об Институте истории материальной культуры РАН и его предшественниках, начиная с Российской Академии истории материальной культуры, их структурных подразделениях и коллективах. Авторы постарались осветить не только основные направления научно-исследовательской деятельности и полевых археологических работ Академии и Института, но и передать непростую, временами трагическую судьбу многих выдающихся ученых и рядовых сотрудников. В книге ярко показаны этапы развития академической археологической науки Петрограда/Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1919–2014 гг., основанные на отечественных традициях научного поиска.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The volume is devoted to the Institute for the History of Material Culture RAS and its predecessors, starting with the Russian Academy for the History of Material Culture. It tells about their structural subdivisions and staff members. The authors tried not only to elucidate the main directions of the Institute's and Academy's research activities and field explorations, but also to narrate complex and sometimes tragic fates of many outstanding scholars and rank-and-file employees. The book highlights the development of academic archaeology in Petrograd-Leningrad-St. Petersburg in 1919–2014, which was based on the indigenous traditions of scientific inquiry.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museologists and students specializing in history.

На обложке: Новомихайловский дворец, арх. А. И. Штакеншнейдер (Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18) – здание, где в 1937–1938 гг. и с 1949 г. располагается ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.

Front: Novo-Mikhailovsky palace, architect A. I. Shtakenshneider (St. Petersburg, Dvortsovaya naberezhnaya 18) – the building where the Institute has been residing in 1937–1938 and since 1949.

ISBN 978-5-86007-764-5

© Институт истории материальной культуры РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: ИИМК РАН на волнах истории... (Е. Н. Носов)	9
Глава 1. Председатели Академии, директора Института и заведующие Ленинградским отделением, их заместители (товарищи председателя) и ученые секретари	15
Николай Яковлевич Марр (Н. И. Платонова).....	15
Александр Александрович Васильев (В. А. Алёшкин)	18
Фёдор Васильевич Кипарисов (Н. И. Платонова).....	19
Отто Оскарович Крюгер (Ю. А. Виноградов).....	23
Иосиф Абгарович Орбели (В. А. Алёшкин).....	24
Михаил Илларионович Артамонов (Н. И. Платонова).....	25
Сергей Александрович Жебелёв (Ю. А. Виноградов).....	27
Сергей Николаевич Бибииков (В. А. Алёшкин)	28
Сергей Иванович Ковалёв (В. А. Алёшкин).....	30
Владислав Иосифович Равдоникас (Н. И. Платонова)	31
Пётр Николаевич Третьяков (Н. И. Платонова).....	35
Алексей Павлович Окладников (Н. И. Платонова).....	36
Михаил Михайлович Дьяконов (В. А. Алёшкин).....	37
Борис Борисович Пиотровский (В. А. Алёшкин)	39
Михаил Константинович Каргер (Н. И. Платонова).....	41
Валентин Павлович Шилов (В. А. Алёшкин)	43
Василий Прокофьевич Любин (В. А. Алёшкин).....	44
Нина Николаевна Гурина (В. А. Алёшкин).....	45
Вадим Михайлович Массон (В. А. Алёшкин).....	46
Евгений Николаевич Носов (В. А. Алёшкин).....	48
Товарищи председателя Академии, заместители директоров по научной работе и ученые секретари Института (Л. Б. Кирчо).....	51
Глава 2. Отдел палеолита (С. А. Васильев, В. Я. Шумкин).....	53
Глава 3. Экспериментально-трасологическая лаборатория: предыстория, становление и развитие, нынешние реалии (В. Е. Щелинский).....	83
Глава 4. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа (В. А. Алёшкин)	100
Глава 5. Отдел истории античной культуры (Ю. А. Виноградов)	160
Глава 6. Отдел славяно-финской археологии: история и ученые (Н. И. Платонова, А. Н. Кирпичников)	191

Глава 7. Отдел охранной археологии (Н. Ф. Соловьёва).....	243
Глава 8. Лаборатория археологической технологии и ее радиоуглеродная группа: история создания и современное состояние (Г. И. Зайцева)	261
Глава 9. Спектральный анализ археологического материала в ИИМК РАН (А. Н. Егорьков).....	280
Глава 10. Научный архив ИИМК РАН: история архива и хранители «вечности» (Г. В. Дружневская)	292
Глава 11. Из истории библиотеки ИИМК РАН (Р. Ш. Левина†, Л. М. Всевиов).....	318
Приложение: Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН (Е. В. Бобровская, В. А. Алёшкин).....	327
Не наукой единой (Н. В. Хвоцинская).....	401
Список сокращений.....	408

Глава 1. ПРЕДСЕДАТЕЛИ АКАДЕМИИ, ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА И ЗАВЕДУЮЩИЕ ЛЕНИНГРАДСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ, ИХ ЗАМЕСТИТЕЛИ (ТОВАРИЩИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ) И УЧЕНЫЕ СЕКРЕТАРИ

**НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ МАРР –
председатель РАИМК/ГАИМК в 1919–1920 и 1923–1934 гг.**

Н. Я. Марр (рис. 2, 1) родился 25 декабря 1864 г. в Кутаиси в семье шотландца Джейкоба Патрика Марра, более 50 лет прожившего в Грузии и основавшего Кутаисский ботанический сад. Как истый британец, «Яков Патрикиевич» Марр за полвека не овладел ни единым местным наречием. Будучи за 80, он женился вторым браком на юной грузинке. Их сын до 8 лет говорил только на гурийском диалекте; общение с отцом было сведено к минимуму.

Так Н. Я. Марру выпало пережить «в особо резкой форме то, что переживает ребенок, выросший в смешанной семье европейца и “туземки” в условиях колониальной страны. <...> Уязвленность недостатком отцовской любви совпала с уязвленностью национального чувства, и все это навсегда переплелось с проблемой языковых различий» (Васильков 2000: 397–398). Подросток оказался разносторонне талантливым, но неуравновешенным до предела. В 15–16 лет у него даже предполагали психическую болезнь. Однако гимназию он окончил в 1883 г. с золотой медалью и поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет (ИСПбУ).

Программа факультета восточных языков включала практическое обучение языкам, навыкам чтения документов, изучение литератур и истории Востока. Учителем Марра стал основатель петербургской школы комплексного востоковедения барон В. Р. Розен. От него Н. Я. Марр воспринял принципы анализа средневековой литературы: широкое применение сравнительного метода, детальный анализ культурно-исторических связей, обязательное воссоздание исторического контекста, сопутствовавшего появлению литературного памятника (в том числе с помощью «вещественных» источников). Другой важнейшей идеей, воспринятой Марром от Розена, было представление о сложном, многоплановом характере культурного процесса в древности и средневековье, о смешанном характере всех культур и бесплодности поисков для них единого корня. В зрелый период Н. Я. Марр считал непрерывное взаимодействие культур Кавказа и смежных регионов ключевым фактором их развития.

Влияние учителя сказалось не только в науке. В ранней юности Н. Я. Марр был грузинским националистом, но из «школы барона» он вышел умеренно либеральным государственным деятелем. Интерес Н. Я. Марра к лингвистике и, в частности, к происхождению языков Кавказа проявился еще в университете. Но к лингвистическим фактам он всегда подходил от фактов истории культуры, некритически перенося на них то, что казалось установленным по другим источникам. В основе концепции, сложившейся у Марра к концу XIX в., лежало представление об *общекавказском культурном единстве*. Идея

эта получила большой резонанс. Историческое единство базисных черт региональной культуры Кавказа многим казалось несомненным. Но очевидной была и языковая разнородность кавказских народов, решительно не позволяющая возводить их к единым корням. Творческая мысль Н. Я. Марра много лет билась над этим противоречием. Одной из попыток решения стала его гипотеза об общем предке всех народов Кавказа – «яфетидах», древнейшем населении Средиземноморья и Ближнего Востока. Но эта гипотеза не была принята языковедами.

В. Р. Розен категорически запретил своему ученику занятия теоретической лингвистикой, считая их дилетантскими. Марру пришлось дать ему слово: не публиковать лингвистических работ вплоть до защиты докторской диссертации.

В 1888 г. Н. Я. Марр окончил университет и был оставлен при разряде армяно-грузинской филологии для подготовки к профессорскому званию. Тогда же он начинает изыскания в армянских древлехрапилищах, сочетая их с археологическими разведками в Эриванской и Тифлисской губерниях. В 1892 г. ИАК командировала его в Армению для раскопок городища Ани (древней столицы армянских Багратидов).

В 1899 г. Н. Я. Марр защитил магистерскую диссертацию, 1901 г. – докторскую, в 1902 г. он стал профессором факультета восточных языков. Его филологические труды, а также составление словарей и грамматик ряда кавказских языков снискали ему заслуженный авторитет в научном мире. Опираясь на него, он сумел получить финансирование на раскопки (государственное и частное) и с 1904 г. начал в Ани ежегодные обширные исследования. Параллельно он предпринял действенные меры по охране памятников. Вся территория городища с прилегающими угодьями поступила, его стараниями, в собственность ИАК. Там были созданы музеи для хранения и экспозиции коллекций из раскопок, а также библиотека, гостиница и т. д.

В 1912 г. Н. Я. Марр был избран академиком РАН, а в 1914 г. получил чин действительного статского советника. В 1915–1916 гг. он в звании генерал-майора несколько раз выезжал в Закавказье, в действующую армию – для обследования памятников христианской культуры на захваченной турецкой территории. В 1917 г. ученому удалось провести через Временное правительство проект организации Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Туда он и отправил из Петрограда анийский научный архив – планы, чертежи, рукописи и пр. Вагон, где они находились, был разграблен под Армавиrom. Все материалы пропали.

По условиям Брест-Литовского мира пограничный район Армении, где находился Ани, отошел к Турции. Вскоре древний город оказался попросту разгромлен – вместе с раскопанными и реставрированными архитектурными памятниками, музеями и коллекциями. Вывезти успели немного. Так погибло почти все наследие Марра-археолога – еще не обработанное и не осмысленное должным образом.

Вся последующая деятельность Н. Я. Марра протекала на фоне нервного и психического надлома. Тем не менее в 1918–1919 гг. именно он стал главным организатором РАИМК на базе прежней ИАК. Идея создания «Академии археологии», с примыкающей ассоциацией научных обществ и институтов, вынашивалась им задолго до того. Но самой насущной задачей являлось тогда спасение жизней ученых-гуманитариев в условиях голода и террора, их политическая «легализация» и сохранение науки, как таковой. Провести проект в жизнь удалось лишь благодаря организаторскому таланту и бешеной энергии Н. Я. Марра. Но здоровье ученого было сильно подорвано. В 1920 г. он уходит с поста председателя РАИМК и уезжает в заграничную командировку. Новым потрясением становится известие о гибели в Крыму любимого сына (1921 г.). Этого психика Н. Я. Марра – неустойчивая от природы – просто не выдержала. Он окончательно утрачивает способность к практической исследовательской работе. Вышедшее из-под контроля воображе-

ние уводит его в дебри теоретической лингвистики. Стоит ему отшныне обратиться к какому-либо языку, как он тут же находит в нем «яфетический элемент».

Тем не менее в 1920-х гг. Н. Я. Марр, даже больной, еще сохраняет навыки организатора (Платонова 2010: 226–235). В 1921 г. он основывает в Петрограде Яфетический институт (позднее – ИЯМ; ныне – ИЛИ РАН и ИЯ РАН). В 1923 г. он возвращается на пост председателя РАИМК. При нем ее научная жизнь начала восстанавливаться из руин. В 1924–1925 гг. в Академии организуются первые экспедиции: С. А. Теплоухова и С. И. Руденко на юг Сибири, А. А. Миллера на Северный Кавказ, А. П. Удаленкова в Среднюю Азию и пр. При активной поддержке Марра М. В. Фармаковский в 1925 г. организует «Лабораторию по изучению способов хранения и реставрации древних тканей», способствовавшую разработке принципиально новых методов технологического исследования археологического материала.

В 1922–1924 гг. Н. Я. Марр публично отрекается от всех принципов сравнительного языкознания. В печати появляются сообщения о созданном им «новом учении», утверждающем классовую природу языка, а также о том, что все языки мира построены на базе четырех элементов в разных сочетаниях, обусловленных социально-экономическими факторами.

Тезис о классовой природе языка оказался созвучным времени. Если же иметь в виду общественный аспект «нового учения», то тут его цепкость была очевидной, при всей его вопиющей ненаучности. Отрицая ключевое значение таких понятий, как этнос и языковая семья, объявляя их лишь стадиями языкового развития, марризм на практике снимал остроту этнических противоречий в многонациональных регионах. Поэтому «наверху» к мнению Марра прислушивались, даже его эксцентричные выходки приписывались как должное. Кстати, когда в 1929 г. на заседании СПК решался вопрос о судьбе Академии наук, именно экспансивная, угрожающая речь Н. Я. Марра переломила настроение собрания и заставила отказаться от решения о ее роспуске.

В 1930 г. Н. Я. Марр был избран вице-президентом АН СССР. Тогда же его принимают в ряды ВКП(б). Председателем ГАИМК он считался до самой смерти. Но на деле именно с 1930 г. всякое реальное влияние на ход событий было им утрачено. Его психическое заболевание уже для многих являлось секретом Полишинеля. Скончался ученый 20 декабря 1934 г. в Ленинграде. Ему устроили грандиозные похороны.

Н. Я. Марр является одним из главных создателей отечественной школы кавказоведения. Традиции, заложенные им в период до 1917 г., живы в науке до сих пор. По признанию ряда крупнейших востоковедов XX в., его одаренность граничила с гениальностью. Его раскопки Ани и целенаправленная реконструкция города-музея должны были превратить этот великолепно сохранившийся памятник в «кавказские Помпеи». В наши дни следует с должным уважением отнестись к яркой, трагической фигуре Н. Я. Марра, хотя последний период жизни ученого и был омрачен психическим заболеванием. В 1935–1950 гг. ГАИМК, а затем и ИИМК АН СССР носили имя Н. Я. Марра.

Васильков 2000 *Васильков Я. В.* Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Новая серия. СПб., 2000. Т. 2 (8). С. 390–421.

Платонова 2010 *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб., 2010.

Н. И. Платонова

**АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ –
председатель РАИМК с сентября 1920 г. по ноябрь 1922 г.**

А. А. Васильев (рис. 2, 2) родился 3 октября 1867 г. в Санкт-Петербурге. В возрасте 20 лет он поступил на историко-филологический факультет ИСПБУ, после окончания которого в 1892–1897 гг. преподавал в гимназии классические языки. Четыре года (1897–1900) А. А. Васильев провел в Париже в качестве стипендиата университета. За границей окончательно определились научные интересы исследователя: история Византии и ее взаимоотношения с соседями, преимущественно арабами. В 1902 г. он защитил докторскую диссертацию. С 1904 по 1912 г. А. А. Васильев, имея звание профессора, преподавал в Юрьевском (Дерптском) университете, в 1912–1922 гг. был деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского/Петроградского педагогического института, в 1912–1925 гг. – профессором Санкт-Петербургского/Петроградского/Ленинградского государственного университета. В апреле 1919 г., когда была создана РАИМК, А. А. Васильев занял в ней должность заведующего Разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского. Спустя год он стал председателем РАИМК.

А. А. Васильев находился на этом посту в период становления Академии, когда ученые бедствовали в условиях разрухи, вызванной Гражданской войной. Руководство РАИМК в декабре 1920 г. направило письмо в СНК РСФСР с просьбой об улучшении материального положения персонала и об обеспечении его современной научной литературой. Это послание не оказало сразу влияния на судьбы РАИМК, но со временем часть пожеланий была удовлетворена. Именно при А. А. Васильеве как руководителе РАИМК научная жизнь Академии стала восстанавливаться из руин. Было положено начало планомерному изучению древностей на обширных пространствах Советского Союза от Средней Азии и Северного Кавказа до юга Сибири.

В 1919 г. А. А. Васильев был избран чл.-корр. РАИ, а в конце 1923 г. – чл.-корр. АН СССР. Получив в 1925 г. командировку в Берлин и Париж, А. А. Васильев вскоре оказался в Висконсинском университете (США) и в СССР не вернулся. Фактически исследователь стал основоположником византистики в США. Основной его труд «История Византийской империи» до сего времени является непревзойденным примером исследования истории Византии. Ученый скончался 30 мая 1953 г.

В. А. Алёшкин

ФЁДОР ВАСИЛЬЕВИЧ КИПАРИСОВ – председатель ГАИМК в 1935–1936 гг.

Ф. В. Кипарисов (рис. 2, 3)¹ родился в 1886 г. в Сергиевом Посаде, в семье профессора Московской Духовной академии. В 1904 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В марте 1905 г. он на год уезжает в Швейцарию, посещает летний семестр Бернского университета и попадает в орбиту эмигрантского социал-демократического кружка В. И. Ленина. Там он вступает в партию большевиков, а по возвращении в Москву становится пропагандистом в подпольной Московской окружной организации РСДРП(б). В университете он переходит с историко-филологического факультета на философский.

В 1908 г. случилась трагедия. Брат Ф. В. Кипарисова был тяжело болен и неоднократно выезжал с ним за границу для лечения. Однако к 1908 г. состояние больного ухудшилось настолько, что он попросил помочь ему уйти из жизни. Все это закончилось для Ф. В. Кипарисова острым психозом. Суд оправдал его, присудив лишь церковному покаянию. На том оборвались и учеба в Московском университете, и подпольная революционная деятельность: в дальнейшем Ф. В. Кипарисов автоматически выбыл из РСДРП(б).

В 1912 г. он заново поступает на историко-филологический факультет, но уже Санкт-Петербургского университета. В 1915 г. оканчивает его по кафедре классической филологии как ученик С. А. Жебелёва. Представленная им кандидатская работа содержала жесткую критику диссертации М. Р. Фасмера, за которую факультет только что присудил автору степень доктора. В автобиографии Ф. В. Кипарисов писал: «Так как мой анализ и мои выводы оказались для М. Р. Фасмера “убийственными” (подлинное выражение акад. С. А. Жебелёва, которым он характеризовал мою работу), то было решено пустить в печать лишь часть работы, наименее скандальную для Фасмера» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 3, д. 277, л. 5 об.).² В ЖМНП в 1915 г. было напечатано две статьи Ф. В. Кипарисова (1915а; 1915б). По оценке современных специалистов, они написаны на хорошем европейском уровне и делают честь русскому антиковедению. Конкретные критические замечания Ф. В. Кипарисова, выдвинутые против М. Р. Фасмера, признаны вполне убедительными (Алфертьев 1995). Несомненно, Ф. В. Кипарисов был одаренным человеком, но после отказа в публикации его работы «по соображениям ненаучного плана» он отошел от исследовательской деятельности.

В 1915–1920 гг. Ф. В. Кипарисов работал на Северной железной дороге, ни в революции, ни в Гражданской войне участия не принимал. Однако в 1920 г. он восстанавливается в партии и попадает на «советскую» работу (заведующий редакционно-издательским отделом Главполитпросвета, член Президиума Московского отдела профсоюза работников

¹ Публикуемая фотография до начала 2013 г. находилась в личном архиве М. А. Тихаповой, хранящемся у И. Д. Зильманович, близко связанной с Марией Александровной, и предположительно является единственным сохранившимся изображением Ф. В. Кипарисова.

² Далее в настоящем издании при архивных ссылках на материалы Рукописного архива/отдела Научного архива ИИМК РАН название архива (НА ИИМК РАН, РА) не повторяется.

просвещения, ответственный редактор целого ряда журналов и т. д.). Его посылают в качестве делегата на XI Съезд ВКП(б) и на несколько всесоюзных съездов профсоюзов. Карьера идет гладко вплоть до 1928 г. Свой уход с высоких постов он объясняет уклончиво: «В начале 1929 г. мне было разрешено ЦК ВКПб возвратиться к научной работе» (ф. 2, оп. 3, д. 277, л. 6 об.).

Для назначения его в ГАИМК имелся и прямой повод: в конце 1928 г., в ходе газетной истерии, вызванной «делом академика Жебелёва», Н. Я. Марр был вынужден уволить последнего с должности товарища председателя Академии и согласился с тем, что новый товарищ председателя должен быть партийным. Единственное условие, которое поставил Марр, заключалось в том, что *партийный кандидат не должен быть совершенно чужд науке* (ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 5–6). В результате место С. А. Жебелёва занял его бывший ученик.

С января 1929 г. в руках Ф. В. Кипарисова сосредоточилась вся реальная власть в Академии. Одновременно он начал работать в ЛГУ на Ямфаке, затем, с его роспуском – в ЛИЛИ/ЛИФЛИ (профессор, зав. отделением музееведения). Несомненно, от него исходила идея «коптрактации» некоторых подающих надежды студентов старших курсов – для дальнейшей их работы в ГАИМК. Именно таким образом в Академию пришло новое поколение – П. И. Борисковский, Б. Б. Пиотровский, Е. Ю. Кричевский, А. П. Бернштам, А. Н. Рогачёв и др.

Фактически Ф. В. Кипарисов стоял во главе ГАИМК около 7 лет – с 1929 до осени 1936 г. До смерти Н. Я. Марра, последовавшей в конце 1934 г., он официально числился его первым заместителем. В 1929–1930 гг. Ф. В. Кипарисову пришлось проводить коренную реорганизацию ГАИМК и других археологических учреждений. 11 мая 1929 г. на общем собрании сотрудников ГАИМК он произнес установочный доклад, в котором, в частности, заявил, что «при нынешнем положении» советской стране не пужно больше одного учреждения, занятого историей материальной культуры. Археологическую деятельность необходимо «централизовать в ГАИМК», изжив «вредный параллелизм» (т. е. попросту на археологию не намерены более тратить деньги!) (СПФ АРАН, ф. 800, оп. 4, д. 4331 [5 ч.], л. 13).

Разумеется, опытный чиновник говорил лишь то, что ему было предписано. В отличие от многих других, он понимал: грядет настоящий «перелом». Изменившаяся обстановка требовала иных форм взаимоотношений археологии и власти, и ему выпало определять план действий в этом направлении.

Будучи образованным марксистом, Ф. В. Кипарисов апеллировал к К. Марксу. Указав, что, по Марксу, «технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений», он предложил во главу угла работы Академии поставить изучение «материального базиса» древних обществ, в первую очередь – *историю техники и производств, вкупе с систематической постановкой археологических разведок и раскопок* (Целевая установка... 1931: 3). Следует признать: в эпоху индустриализации данный подход «сработал».

Безусловно, такая позиция имела немало изъянов. Но она позволяла обосновать актуальность археологических изысканий в контексте современных производственных разработок. Принятые Ф. В. Кипарисовым установки – расширение исторической тематики ГАИМК и максимальный упор на историю техники – стимулировали подъем в области археологической технологии. В одном лишь 1935 г. в «Известиях ГАИМК» вышла целая серия книг, посвященных технологическим исследованиям.³

³ Примерами могут служить: «Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси» (ИГАИМК. Вып. 115), «Методика химико-аналитического исследования древних бронз»

С именем Ф. В. Кипарисова связываются массовые увольнения, проведенные в ГАИМК в 1929–начале 1930 г. Однако есть основания считать: лихорадочные меры, предпринятые тогда, помогли предотвратить худший разгром Академии. Защищая ГАИМК в ходе чистки, начавшейся в апреле 1930 г., Ф. В. Кипарисов как раз утверждал, что она достаточно обновлена и не нуждается в более радикальных реформах. Тем не менее в ответ «некоторые упрекали т. Кипарисова в оптимистическом желании использовать <...> кадры из так пазываемых бывших людей» (ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 86).

Будучи в ГАИМК главным администратором, Ф. В. Кипарисов редко выступал в печати с собственными работами. Но однажды он нарушил свое правило, опубликовав небольшой этюд «Вещь – исторический источник» (Кипарисов 1933). Эта поваторская работа увековечила его имя в области теоретической археологии. В ней впервые в мировой науке оказался четко поставлен вопрос: что именно делает археологический объект историческим источником? Здесь уже содержалась мысль о том, что «вещи» отражают информацию о *разных* сторонах человеческой деятельности, и потому не поддаются однозначной классификации.

Несомненной заслугой Ф. В. Кипарисова стал подъем издательской деятельности Академии. С 1931 г. альманах «Сообщения ГАИМК» был превращен им в журнал (позднее – «ПИМК» и «ПИДО»). С того же 1931 г. началось издание серии «Известия ГАИМК», причем уже за три года количество выпусков перевалило за сотню.

Основным фактором, определившим характер деятельности Академии в 1932–1936 гг., стало широкое развертывание новостроечных работ. Координировал их Институт исторической технологии (ИИТ), включавший в себя Комитет по работам на новостройках. Однако наладить стабильную работу в середине 1930-х гг. мешала общая нестабильность ситуации в стране. ГАИМК лихорадило от арестов и высылки, от «смены лиц» в вышестоящих органах и т. д. Партиец, в прошлом знакомый с видными деятелями оппозиции, был весьма уязвим для любых наветов. Осенью 1936 г. он был арестован и сразу же расстрелян. Есть основания считать, что обвинили его в экономическом «вредительстве», якобы производившемся археологами на новостройках.

В этой связи следует пояснить: все крупные стройки в СССР были неотделимы от лагерной системы. Соответственно, с середины 1934 г. на пост директора ИИТ стали назначать «сверху» профессионального чекиста. Первым был А. И. Кауль, в прошлом помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР. В конце 1935 г. его сменил там А. Г. Леонов (Краткий отчет... 1936: 52).⁴ Можно предположить, что истинной целью этих людей было не столько руководство археологическими работами, сколько выявление «вредителей» в самой ГАИМК.

Современникам, плохо представлявшим себе ситуацию в целом, всего проще было обвинить в своих бедах того, кто поближе. Первую половину 1930-х гг. в ГАИМК окрестили «кипарисовщицей».

Анфертьев 1995 – *Анфертьев А. Н.* Экспертная оценка ранних работ Ф. Кипарисова. 25 окт. 1995 // Архив Н. И. Платоновой.

(ИГАИМК. Вып. 121), «Очерки по методике технологического исследования, реставрации и консервации древних металлических изделий» (ИГАИМК. Вып. 130) и др.

⁴ Об этом человеке у нас вообще нет никаких сведений. Ясно, что он был абсолютно чужд археологии и не имел отношения даже к таким учреждениям, как Комкадемия или Институт красной профессуры. Возникает диковатое предположение – не был ли он тем самым Александром Георгиевичем Леоновым, который дослужился до генерал-майора МГБ и был расстрелян в 1954 г. по делу Абакумова? (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 46, л. 19–21. Копия: <http://doc20vek.ru/node/590>).

- Кипарисов 1915а – *Кипарисов Ф. В.* Заметки о говорах Херонеи и Оропа // ЖМНП. 1915. Декабрь. Новая серия. Ч. 9, № 12. Отд. классич. филологии. С. 520–542.
- Кипарисов 1915б – *Кипарисов Ф. В.* К горгиппийской надписи фиаситов // ЖМНП. 1915. Июнь. Ч. 57, № 6. С. 283–285.
- Кипарисов 1933 – *Кипарисов Ф. В.* Вещь – исторический источник // ИИ'АИМК. 1933. Вып. 100. С. 3–23.
- Краткий отчет... 1936 – Краткий отчет о работе Академии в 1935 г. Л., 1936.
- Целевая установка... 1931 – [*Кипарисов Ф. В.*] Целевая установка и новые задачи ГАИМК // СИ'АИМК. 1931. № 2. С. 1–3.
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6; 1930 г., д. 4; оп. 3, д. 277.
- РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 46.
- СПФ АРАН, ф. 800, оп. 4, д. 4331.

Н. И. Платонова

**ОТТО ОСКАРОВИЧ КРЮГЕР –
временно исполняющий обязанности председателя ГАИМК
с сентября 1936 г. по август 1937 г.**

О. О. Крюгер родился 31 октября 1893 г. в Москве. В 1919 г. он окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, где был оставлен для подготовки к профессорскому званию, и в том же году принят на работу в Государственный Эрмитаж (ГЭ).

В ГАИМК О. О. Крюгер поступил в мае 1920 г. Он продолжал активную педагогическую работу, но основные усилия сосредоточил на изучении папирологии. В апреле 1932 г. он стал действительным членом Академии.

После ареста Ф. В. Кипарисова, а вместе с ним целой группы коммунистов, по существу, определявших большевистскую перековку учреждения, О. О. Крюгер был назначен в сентябре 1936 г. исполняющим обязанности председателя Академии. Занимать такую должность в те времена было смертельно опасно. Вряд ли он успел на этом посту сделать что-либо особо полезное или, напротив, вредное для советской науки, тем более, что с 1 июня 1937 г. он не исполнял свои обязанности по болезни, а с 13 июля по 8 сентября находился в отпуске. Тем временем в середине июля по решению Советского Правительства начался процесс преобразования ГАИМК в академический Институт истории материальной культуры. Его директором 29 июня был назначен академик И. А. Орбели. Реорганизация ГАИМК завершилась к началу сентября. Таким образом, О. О. Крюгер лишился своей должности, находясь в отпуске. 8 октября 1937 г. ученый был исключен из ИИМК и арестован.

К научной и преподавательской работе О. О. Крюгер смог вернуться только через 20 лет. Его деятельность была связана с Институтом истории АН СССР и Ленинградским государственным университетом. Он скончался в Ленинграде 12 апреля 1967 г. В памяти людей, которые его знали, он остался как «непревзойденный чтец и интерпретатор папирусных и эпиграфических текстов». В истории Института его к тому же следует помнить как первого руководителя Боспорской археологической экспедиции и, разумеется, как одну из невинных жертв сталинских репрессий.

Ю. А. Виноградов

**ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ –
директор ИИМК АН СССР с 29 июня 1937 г. по 25 февраля 1939 г.**

И. А. Орбели (рис. 3, 1) родился 20 марта 1887 г. в г. Кутаиси. В 1911 г. он окончил классическое отделение историко-филологического факультета и армяно-грузинско-персидское отделение восточного факультета ИСПБУ. С 1914 г. исследователь начинает преподавать на восточном факультете университета, а в 1917 г. он избран доцентом по кафедре армяно-грузинской филологии.

В 1919 г., когда была образована РАИМК, И. А. Орбели был избран ее первым ученым секретарем, а также заведующим Разрядом археологии и искусства Армении и Ирана. Этот выбор не был случайным. С 1906 до 1917 г. он принимал участие в раскопках города Апи – столицы армянского Анийского царства (IX–XI вв.), руины которого обследовала экспедиция Н. Я. Марра.

В 1929–1930 гг. И. А. Орбели руководил в ГАИМК Разрядом средневековых культур Кавказа и Ирана. Научные интересы исследователя были связаны с изучением памятников армянской эпиграфики, древнеармянского монументального и сасанидского прикладного искусства.

Одновременно со службой в РАИМК/ГАИМК И. А. Орбели состоял в штате ГЭ, где в 1920 г. стал заведующим Отделом Кавказа, Ирана и Средней Азии. Постепенно служба здесь сделалась основным занятием, а в 1934 г. его назначают директором музея. К этому времени ученый уже был чл.-корр. АН СССР, а в 1935 г. избран академиком.

В период реорганизации ГАИМК в ИИМК АН СССР власти вспомнили об археологическом прошлом И. А. Орбели, и 29 июня 1937 г. он становится первым директором Института, который приходил на смену ГАИМК. Академия наук СССР утвердила ученого на этом посту 16 августа. И. А. Орбели завершил реформирование структуры ГАИМК в ИИМК к началу сентября. Вскоре после своего назначения он сделал доклад на Президиуме АН СССР. По его результатам ИИМК получил разрешение заключать со сторонними организациями договоры на проведение археологических раскопок. При И. А. Орбели структура головного археологического учреждения страны была реформирована. В Институте по региональным признакам было создано 10 подразделений (секторов), а все сотрудники, не являющиеся профессиональными археологами, уволены.

Загруженность И. А. Орбели делами Эрмитажа не давала ему возможности уделять много времени организации научной жизни в ИИМК, что вызывало недовольство в его коллективе. В конце концов академик счел за благо отказаться от обременявшей его должности и 25 февраля 1939 г. сдал свои полномочия. И. А. Орбели оставался директором Эрмитажа до 1951 г., а впоследствии возглавлял восточный факультет ЛГУ и ЛОИВ АН СССР. Ученый скончался в Ленинграде 2 февраля 1961 г.

В. А. Алёшкин

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ АРТАМОНОВ – директор ИИМК АН СССР в 1939–1943 гг.

М. И. Артамонов (рис. 3, 2) родился в дер. Выголово (Весьегонский уезд Тверской губ.) 23 ноября 1898 г., в семье крестьянина. Впоследствии, живя с отцом в Санкт-Петербурге, он окончил в 1913 г. вечернее городское 4-классное училище, служил конторщиком и счетоводом в разных городских обществах Петербурга, два года учился на вечерних Общеобразовательных курсах. В 1917 г. М. И. Артамонов призвали в армию, и он участвовал в боях с немцами на Западной Двине, а затем демобилизовался в декабре 1917 г.

В Петрограде М. И. Артамонов начинает работать в национализированном Международном банке. Полгода он возвращается в литературно-поэтических кругах, пишет стихи, печатается, даже пробует издавать журнал «Джек» (запрещенный со второго номера).

С лета 1918 г. до конца 1920 г. М. И. Артамонов служит в органах народного образования в г. Красный Холм Тверской губ. (учитель, заведующий школой). С 1920 г. в этих местах начал работать организованная РАИМК и Русским музеем Верхневолжская этнологическая экспедиция под руководством Д. А. Золотарёва, Михаил Илларионович принял в ней активное участие. В 1921 г. он уже вновь в Петрограде, поступает учиться одновременно во ВХУТЕМАС и ПАИ, но, поскольку с 1922 г. ПАИ был объединен с университетом, М. И. Артамонов тоже оказывается там.

В 1924 г. он окончил отделение археологии и истории искусств ФОНа ЛГУ (из ВХУТЕМАСа ушел раньше) и остался работать там младшим ассистентом археологического кабинета. В 1925 г. его принимают в аспирантуру ГАИМК.

В апреле 1929 г. группа аспирантов выработала собственный, «молодежный» проект реорганизации ГАИМК, который М. И. Артамонов представил руководству. Ряд его положений, в частности предложение о создании проблемно-тематических групп, и вправду попытались провести в жизнь. В 1930–1931 гг. в ГАИМК такие группы заработали, и сам Михаил Илларионович, уже принятый в штат, был включен в две из них – Группу истории кочевого скотоводства и Группу архаического земледелия.

С 1932 г. ученый возглавил археологические работы на трассе Маньчжского канала; в 1934–1936 гг. он – начальник крупной Волго-Донской экспедиции. В 1934 г. М. И. Артамонову без защиты диссертации присваивается степень кандидата исторических наук. С 1935 г. он уже профессор ЛГУ. Такой старт можно назвать поздним, но стремительным.

5 августа 1937 г. М. И. Артамонов возглавил в только что созданном ИИМК АН СССР Сектор Восточной Европы дофеодального периода и был назначен и. о. заместителя директора по научной части. С его точки зрения, сделать археологию востребованной в новых условиях могло лишь оперативное создание обобщающих трудов по истории культуры. Надо было дать систематическое обобщение материалу, добытому раскопками; создать новые вузовские учебники по древней и средневековой истории. Дальнейшее показало, что он был прав. Директор ИИМК И. А. Орбели фактически устранился от этих проблем. Отважившись выступить в роли лидера, М. И. Артамонов тем самым спас Институт от развала. Он, как мог, наводил там порядок и дисциплину. Первым важнейшим достижением стало создание к концу 1938 г. первого тома учебника «История СССР».

Тогда же общее собрание ИИМК единогласно постановило обратиться в Президиум АН СССР с просьбой о смене руководства. Ситуация создавалась опасная, но учебник был сдан в срок, и к мнению коллектива отнеслись с уважением. В 1939 г. 40-летний кандидат наук был утвержден на посту директора.

Так начался «артамоновский» период в жизни ИИМК. В планах Института стали доминировать «коллективные» темы – Михаил Илларионович по-прежнему считал лучшей организационной формой временную исследовательскую группу. С 1939 г. впервые по-настоящему заработал Комитет полевых исследований. Были созданы два новых периодических издания по археологии, причем за два предвоенных года из печати вышло 6 томов МИА и 7 выпусков КСИИМК. Конечно, далось это недаром. Артамоновские методы руководства были жесткими. Он умел требовать, недовольство не стеснялся высказывать публично, но люди, работавшие с полной самоотдачей, не оставались у него без поощрений. Творческий подъем в Институте и резкое улучшение морального климата не заставили себя ждать. В начале 1941 г. М. И. Артамонов защитил докторскую диссертацию.

Предвоенный артамоновский период оказался короток и неповторим. Для него самого это был момент высшего взлета – не только карьерного. Концом его стал ноябрь 1941 г., когда Президиум АН СССР предоставил М. И. Артамонову возможность для эвакуации из блокадного Ленинграда, и он ею воспользовался. Окружающими его коллегами это решение в тяжелейшую первую блокадную зиму было воспринято неоднозначно. М. И. Артамонову пришлось в этом убедиться, когда он приехал руководить Елабужской группой ИИМК, состоявшей из людей, вывезенных Ледовой дорогой в феврале 1942 г. Блокадники не могли простить директору его выбора. Сплоченной ИИМКовской «семьи», единогласно поддерживавшей своего руководителя, более не существовало. В результате ученый еще до решения Президиума АН СССР (1943 г.) отказался оставаться на посту директора или заведующего Ленинградской частью Института.

В дальнейшем, хотя он числился в штате ЛОИИМК/ЛОИА до 1960 г., его основной работой были либо ЛГУ, либо Эрмитаж. В научном плане 1940–1950-е гг. стали расцветом творчества М. И. Артамонова. В этот период он публикует серию статей и книг сразу по нескольким направлениям – скифскому, хазарскому, раннеславянскому, методологическому.

В 1948 г. ученый был назначен проректором ЛГУ, с 1949 г. стал заведующим кафедрой археологии, некоторое время был и. о. ректора. В 1951 г. по личному распоряжению Сталина И. А. Орбели был заменен на посту директора Эрмитажа М. И. Артамоновым, который занимал эту должность 13 лет. Администратором он был очень принципиальным и имел самостоятельную позицию по острым вопросам. В 1964 г. партийное руководство Ленинграда все-таки нашло повод избавиться от чересчур независимого директора Эрмитажа. После этого вся деятельность Михаила Илларионовича сосредоточилась на совершенствовании учебного процесса на кафедре археологии ЛГУ, руководителем которой он остался. Ученый значительно расширил круг преподаваемых на кафедре дисциплин. Новые курсы лекций стали читать ведущие археологи ЛОИА, приглашенные М. И. Артамоновым.

Лето 1972 г. выдалось аномально жарким. Горели леса. Воздух тяжелеет от дыма. У Михаила Илларионовича давно уже были проблемы с сердцем. Он умер 31 июля за рабочим столом, редактируя научную статью.

Н. И. Платонова

**СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖЕБЕЛЁВ –
временно исполняющий обязанности директора ИИМК АН СССР
с 8 ноября по 28 декабря 1941 г.**

Во главе ИИМК академик С. А. Жебелёв (рис. 3, 3) паходился всего несколько недель, и связано это с ситуацией, которую следует назвать не просто необычной, а трагической. Директор Института М. И. Артамонов, улетаая в эвакуацию из блокированного Ленинграда 7 ноября 1941 г., возложил на него исполнение этих обязанностей. С. А. Жебелёв исполнял их до дня своей смерти, наступившей от истощения 28 декабря 1941 г.

Будущий академик родился 22 сентября 1867 г. в Санкт-Петербурге. В 1886 г. он поступил на историко-филологический факультет ИСПбУ. Основной сферой научных интересов С. А. Жебелёва стали история Древней Греции, классическая археология и филология. В 1890 г. он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Здесь учёный прошёл все ступени служебной лестницы: приват-доцент, профессор, декан историко-филологического факультета, проректор и даже ректор в 1919 г. В 1902 г. С. А. Жебелёв стал чл.-корр. ИАК.

В ГАИМК он был принят с момента создания Академии в 1919 г., возглавив в ней Разряд археологии Эллады и Рима. Отношения С. А. Жебелёва с большевистской властью складывались очень не просто. В 1927 г. он был уволен из университета, но в том же году оказался избранным в академики АН СССР. В 1928 г. за публикацию в заграничном («белогвардейском») издании учёный был подвергнут жестокой критике. Во время «чистки» ГАИМК 1930 г. ему вновь пришлось пережить весьма серьёзную «разборку», тем не менее и здесь он сохранил свой пост. После реорганизации ГАИМК в 1934 г. С. А. Жебелёв возглавлял Институт истории античных колоний Северного Причерноморья, а после создания ИИМК АН СССР (1937 г.) встал во главе Сектора древнего Причерноморья.

Обладая прекрасным знанием античной литературной традиции и эпиграфических документов, учёный создал целую серию научных исследований, многие из которых сохранили свое значение до наших дней. С. А. Жебелёв входит в плеяду исследователей античной истории и культуры, которыми может гордиться наша страна. Вся его жизнь была посвящена бескорыстному служению науке, и свою смерть он принял как солдат на боевом посту, оставшись в осажденном Ленинграде.

Ю. А. Виноградов

**СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ БИБИКОВ –
временно исполняющий обязанности директора ИИМК АН СССР
с 3 января 1942 г. по август 1942 г.**

С. Н. Биби́ков (рис. 3, 4) родился 14 сентября 1908 г. в г. Севастополе. В 1928 г. он поступил на восточное отделение Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе в г. Симферополе, а спустя год перевелся на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ, которое в 1931 г. было передано в ЛПИЛИ, оконченный им в том же году по специальности «музееведение и советское строительство».

После завершения учебы и службы в армии в марте 1934 г. С. Н. Биби́ков был принят в штат ГАИМК на должность научно-технического сотрудника, осенью того же года он поступил в аспирантуру Академии, которую завершил в 1937 г. В ноябре 1938 г. С. Н. Биби́кова назначают ученым секретарем ИИМК. Защита кандидатской диссертации С. Н. Биби́кова состоялась уже в блокированном германскими войсками Ленинграде 27 сентября 1941 г.

Директор ИИМК М. И. Артамонов вылетел в эвакуацию из Ленинграда 7 ноября, сменивший его на этом посту С. А. Жебелёв был уже весьма пожилым человеком, а поэтому в трагические дни первой блокадной зимы решение многих административных вопросов пало на плечи ученого секретаря как молодого и энергичного человека. После смерти С. А. Жебелёва решением Распорядительной комиссии ленинградских учреждений АН СССР С. Н. Биби́ков 3 января 1942 г. был назначен временно исполняющим обязанности директора ИИМК.

Важнейшей задачей С. Н. Биби́кова в печеловеческих условиях блокады стала борьба за сохранение жизней оставшихся в блокадном кольце коллег. Благодаря его стараниям в феврале и марте 1942 г. из осажденного города были вывезены по Дороге Жизни группы сотрудников Института. В июле и августе эвакуация коллектива ИИМК была практически завершена. С. Н. Биби́ков не забывал и о научных задачах Института. Начиная с апреля 1942 г. он организовал работу трех секторов ИИМК: палеолита и неолита, античного мира, Древней Руси и Восточной Европы.

Оказавшись в эвакуации в г. Елабуге, ученый получил назначение на должность заместителя директора Института. Свои административные обязанности он исполнял вплоть до 15 октября 1943 г., когда было объявлено о коренной реорганизации ИИМК. После реэвакуации Института в Ленинград С. Н. Биби́ков в конце декабря 1945 г. был назначен ученым секретарем уже ЛОИИМК и оставался им до 1949 г., когда по решению руководства головного Института была смелена вся администрация его Ленинградского отделения.

Став старшим научным сотрудником Сектора палеолита и неолита/Сектора палеолита, С. Н. Биби́ков обратился к изучению древнеземледельческих обществ юга европейской части СССР и в 1953 г. защитил докторскую диссертацию. Через два года его пригласили руководить Институтом археологии АН УССР в Киеве. На этой должности

С. П. Бибилов пребывал до 1968 г. Научные заслуги исследователя были по достоинству оценены его новыми коллегами. Он стал чл.-корр. АН УССР (1958) и получил звание «Заслуженный деятель науки УССР» (1975). В течение многих лет (1973–1985) С. П. Бибилов возглавлял также Отдел археологии Крыма ИАУ. Исследователь скончался 21 ноября 1988 г.

В. А. Алёкин

**СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КОВАЛЁВ –
временно исполняющий обязанности заведующего
ЛОИИМК АН СССР с 16 июля по 2 сентября 1944 г.**

С. И. Ковалёв (рис. 4, 1) родился 25 сентября 1886 г. в с. Большой Куганак Стерлитамакского уезда Уфимской губ. В 1908 г. он поступил на физико-математический факультет ИСПБУ, спустя два года перевелся на историко-филологический факультет, а в 1915 г. был призван на военную службу. В университет С. И. Ковалёв вернулся в 1918 г., а окончил его в 1922 г., совмещая учебу с преподаванием в средних учебных заведениях, на курсах Красной Армии и в Военно-политическом институте им. Н. Г. Толмачёва (впоследствии Академия им. В. И. Ленина).

В ГАИМК С. И. Ковалёв попал после чистки 1930 г., в результате которой не только был радикально обновлен штат сотрудников, но и произведена структурная перестройка Академии. Названия новых подразделений были приведены в соответствие с наименованиями общественно-экономических формаций, присущих, с точки зрения марксизма, различным стадиям исторического развития человечества. Один из таких отделов, Сектор античной формации, и возглавил С. И. Ковалёв. В силу всей своей предшествовавшей деятельности он вполне отвечал требованиям борьбы за марксистскую историю материальной культуры. Сфера научных интересов исследователя включала историю эллинизма, поздней Римской империи и крупных социальных движений в античном обществе, изучение античного способа производства, проблемы происхождения христианства и вопросы античной историографии.

Вскоре после поступления в Академию С. И. Ковалёв возглавил Группу по национальному и профессионально-классовому составу населения античных колоний Северного Причерноморья и стал начальником Таманской экспедиции. В 1934 г. помимо руководства Институтом истории рабовладельческого общества ГАИМК С. И. Ковалёв был главой (до 1936 г.) и одного из его подразделений – кафедры истории Древнего Рима (существовавшей под различными названиями). В 1936 г. исследователь перешел в ЛОИИ АН СССР, где работал в 1936–1942 гг. и в 1946–1950 гг.

Параллельно со службой в ГАИМК и ЛОИИ С. И. Ковалёв много сил отдавал преподаванию в ЛГУ, возглавляя кафедру истории Древнего мира/Древней Греции и Рима (до 1956 г.). Он окончательно расстался с университетом в 1958 г. Не обошли стороной С. И. Ковалёва и политические репрессии. Он был арестован в 1938 г., по следствие по его делу, к счастью, было прекращено после смещения Н. И. Ежова с поста главы НКВД.

В 1942 г. С. И. Ковалёв оказался в штате ИИМК АН СССР и был эвакуирован из Ленинграда с группой археологов. С осени 1942 г. он включен в состав Елабужской группы сотрудников ИИМК, руководя с февраля 1944 г. Сектором Древнего Причерноморья. С 16 июля по 2 сентября 1944 г. ученый временно исполнял обязанности заведующего ЛОИИМК, занимаясь подготовкой к возвращению части сотрудников Института из Елабуги в Ленинград.

По возвращении из эвакуации в 1945 г. С. И. Ковалёв вплоть до мая 1946 г. возглавлял Сектор древнего Причерноморья, а затем вернулся на работу в ЛОИИ и ЛГУ. В последние годы жизни (1956–12 ноября 1960 г.) С. И. Ковалёв стоял во главе Ленинградского музея истории религии и атеизма.

В. А. Алёшкин

**ВЛАДИСЛАВ ИОСИФОВИЧ РАВДОНИКАС –
заведующий ЛОИИМК АН СССР
со 2 сентября 1944 г. по 16 марта 1946 г. и с 1 января 1947 г.
по 17 марта 1949 г.**

В. И. Равдоникас (рис. 4, 2) родился 27 ноября 1894 г. в г. Тихвине, в семье фельдшера. Он рано потерял родителей. Круг интересов юноши сформировался под влиянием краеведа, основателя Тихвинского отделения НОЛД И. П. Мордвинова. В 1914–1915 гг. В. И. Равдоникас (тогда студент Политехнического института) начинает собственные раскопки курганов. В 1916 г. он был мобилизован и после Артиллерийского училища почти год провел на передовой. Вернувшись с фронта в конце 1917 г., В. И. Равдоникас занимается краеведческой работой, начинает преподавательскую деятельность. Летом 1918 г. он поступает на историко-филологический факультет Петроградского университета. С осени 1918 г. В. И. Равдоникас – в Красной Армии, где вступает в партию большевиков. В октябре 1919 г., когда части Н. Н. Юденича прорвались к пригородам Петрограда, поступил приказ: из бежавших красноармейцев расстреливать каждого десятого. Началось формирование «отрядов коммунистов особого назначения». Командиром одного из них стал В. И. Равдоникас. После отступления войск Юденича он еще год пребывал на посту начальника артиллерии Петропавловской крепости.

Перестройка университетов на советский лад тогда еще не началась. Студентов учили по старым программам старые профессора. В выходном свидетельстве, полученном Равдоникасом в 1923 г. (уже на ФОПе), указано, что он «выполнил все требования учебного плана, установленного для бывшего историко-филологического факультета».

К моменту получения диплома это был вполне зрелый человек. За спиной – две войны, революция, вступление в партию и скандальный выход из нее: в декабре 1922 г. Тихвинский уком РКПб постановил исключить его из партии без права нового вступления. В позднейших анкетах В. И. Равдоникас указывал: «Выбыл по собственному заявлению ввиду нежелания быть переброшенным с педагогической и научной работы на административную». «Я хочу – и имею право хотеть – работать только по моей специальности, так как только здесь я вижу результаты – и большие результаты – от своей работы», – писал В. И. Равдоникас в связи со своим исключением. Так карьера партийца, начатая в 1918 г., разом оказалась принесена в жертву.

Вплоть до 1927 г. В. И. Равдоникас продолжал руководить созданным им Тихвинским музеем и педагогическим техникумом, но краеведческий уровень был уже тесен для него. В 1927 г. он пытается поступить в аспирантуру РЛНИОН, но терпит неудачу. В январе 1928 г. Равдоникас переезжает в Ленинград, где начинает свою ученую карьеру в ГАИМК и МАЭ «за штатом» и без жалованья. Однако любое порученное дело он выполнял безупречно, и в 1929 г. его принимают в университет уже на оплачиваемую работу ассистента Ямфака. Для него находится и место в аспирантуре АН СССР, причем сам Н. Я. Марр становится его руководителем. В конце года 35-летний ученый неожиданно выступает в ГАИМК с докладом «Археологическое наследство», претен-

дующим на обобщение опыта всей отечественной археологии прошлого и ее теоретическое осмысление.

Главный пафос доклада заключался в том, что отечественная археология якобы представляла собой описательное «вещеведение» без всякого метода. Роня отдельные фразы о достижениях «буржуазной» методологии на русской почве, В. И. Равдоникас не распространялся о них подробно. Самый стиль изложения был сродни языку проработочной кампании. От рассуждений автора (порой очень дельных) веяло хамоватостью и презрительным превосходством.

Решение предстать перед коллегами в роли грозного судии явно было принято им спонтанно, в ходе осмысления ситуации конца 1929 г. А ситуация была такова: только что прошла «чистка» АН СССР, всюду шли увольнения и слом научных структур, ожидалась «чистка» в самой ГАИМК. В этот момент Академия была особенно заинтересована в том, чтобы сохранить ведущие позиции в деле внедрения марксизма в археологию. Между тем в Москве группа аспирантов РАНИОН во главе с А. В. Арциховским уже попробовала перехватить инициативу. Скорее всего, Н. Я. Марр предложил своему аспиранту сделать доклад на подобную тему. Сам же аспирант отчетливо уловил социальный заказ эпохи «Великого перелома», а заодно и момент, когда прапорщик может стать генералом.

Доклад и изданная по нему книга выдвинули В. И. Равдоникаса в первые ряды полемистов и теоретиков археологии. По окончании аспирантуры в августе 1931 г. он становится действительным членом ГАИМК. Стоит отметить: В. И. Равдоникас был в числе тех, кто в дискуссии 1932 г. сумел отстоять самостоятельность археологии – по крайней мере как вспомогательной исторической дисциплины. При этом его манера вести полемику была в буквальном смысле слова убийственной.

В середине 1930-х гг. В. И. Равдоникас уже представлял собой одну из центральных фигур в советской науке. В поябре 1934 г. он становится директором Института истории доклассового общества ГАИМК. В июне 1935 г. ему присваивается ученая степень доктора археологии. Крупнейшим достижением, сделавшим его звездой первой величины на европейском научном небосклоне, стали две его книги: о паскальных изображениях Опежского озера и Белого моря (Равдоникас 1936; 1938).

В конце 1936 г. В. И. Равдоникас начинает заведовать кафедрой истории доклассового общества на истфаке ЛГУ. Расформирование ГАИМК в 1937 г. прошло для него без потерь. В «Советской археологии» № 3 была опубликована его анонимная редакционная передовая «О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий». Хотя прошло много лет, читать ее страшно до сих пор.

В начале войны В. И. Равдоникас, как и многие другие, не торопился уезжать в эвакуацию. Он был вывезен из Ленинграда в Елабугу в феврале 1942 г. В августе 1943 г. Равдоникас переехал в Саратов, куда был эвакуирован университет, и возобновил там работу в качестве профессора. Вместе с ЛГУ он вернулся в Ленинград в мае 1944 г. В период постепенного «воссоединения» разрозненных групп сотрудников ИИМК 1 сентября 1944 г. его назначили заведующим – уже не ИИМК, а его Ленинградским отделением. 16 марта 1946 г. В. И. Равдоникас был освобожден от должности («согласно личной просьбы»), уступив ее демобилизованному П. Н. Третьякову. Сам он получил благодарность за руководство Институтом в период эвакуации, расконсервации и восстановления и был утвержден заведующим Сектором Древней Руси и Восточной Европы.

Однако его директорская эпопея на этом не закончилась. Уже в январе 1947 г. П. Н. Третьяков перешел на работу в Москву. Заведующим вновь стал В. И. Равдоникас. Он повел себя весьма независимо и тут же напомнил Президиуму АН СССР, что высококвалифицированные кадры, сохранившиеся в Ленинграде, «по своей численности вполне

соответствуют штатам самостоятельного института АН СССР». Последнее прозвучало в докладе о работе ЛОИИМК, состоявшемся в Москве 22.05.1947 г.

В письме ученому секретарю ИИМК Т. С. Пассек, датированном 22.07.1948 г., В. И. Равдоникас выразил удовлетворение тем, что ОИФ ходатайствует о возвращении Ученому совету ЛОИИМК права самостоятельного присуждения ученых степеней. При этом он писал: «Надо все же отметить, что это право просто явочным порядком без каких-либо решений высших инстанций, вопреки общим положениям об ученых советах, было аннулировано московской частью Института, причем Ученый совет последнего <...> почему-то стал считать себя верховной инстанцией. <...> Надеюсь, что эта странная ситуация <...> будет в корне изменена».

В претензиях В. И. Равдоникаса к руководству ИИМК было немало справедливого. Решительность его высказываний объясняется тем, что лично для него первые послевоенные годы стали вершиной научной карьеры. В этот период В. И. Равдоникас одновременно руководит ЛОИИМК и кафедрой археологии ЛГУ. В 1946 г. он становится чл.-корр. АН СССР.

Казалось бы, будучи человеком, весьма влиятельным в научном мире, В. И. Равдоникас мог постепенно добиться для ЛОИИМК очень многого. Но он оставался лидером в стиле первой половины 1930-х гг. и всему предпочитал силовое решение. Как раз летом 1948 г. на всю страну прогремела биологическая дискуссия, начавшаяся докладом Т. Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ. Из биологии зараза быстро перекинулась в гуманитарные области. По институтам прокатилась волна проработок.

В. И. Равдоникас счел подобную конъюнктуру подходящей и произнес в ЛОИИМК доклад «О положении в археологической науке», где выдвинул идею, что в современной археологии сложилось два течения – передовое и формалистическое. Первое локализовалось, по его словам, в Ленинграде. Второе, в основном, в Москве. Упоминалось, впрочем, и третье направление, активно реакционное, выступающее против марксизма-ленинизма в области истории первобытного общества. Олицетворением его представлялся М. О. Косвен, работавший в МАЭ.

Несомненно, целью докладчика было выставить ЛОИИМК в нужном свете и добиться восстановления его утраченных позиций. Однако эффект от выступления получился противоположный. Когда доклад был повторен в Москве, начался разгром по всем правилам. Приказом от 17 марта 1949 г. В. И. Равдоникас был снят с заведования ЛОИИМК. Формулировка вышла сравнительно мягкой: «по состоянию здоровья, с оставлением в должности зав. сектором Древней Руси». Но и это последнее кресло у член-корра вскоре отобрали. Сыграло роль то, что он не смог «держать удара» и предпочел найти истину в вине.

В 1950 г., в связи с антимарристской кампанией, В. И. Равдоникас вновь подвергся сокрушительной критике, на которую даже не попытался ответить. В этот период он много и беспробудно пил. Был уволен из университета, но продолжал числиться в ЛОИИМК и ГЭ. В 1957–1959 гг. Эрмитаж возобновил работы Староладожской экспедиции под его номинальным руководством. Вели исследования Г. П. Гроздилов, О. И. Давидан и др. Стоит отметить: В. И. Равдоникас во все времена умел быть хорошим наставником и воспитывал настоящих профессионалов. Ученики сохраняли о нем добрую память.

По рассказам О. И. Давидан, когда работы экспедиции прекратились, В. И. Равдоникас решил уйти на пенсию, но все же хотел продолжать работать с ладожскими коллекциями. Он попросил М. И. Артамонова закрепить за ним хотя бы одного лаборанта. В этом ему было отказано. Тогда он решил махнуть рукой на все, распродал библиотеку и резко сменил круг общения. Ему было тогда 65 лет.

Л. С. Клейн рассказывает: «Когда в день его восьмидесятилетия коллектив кафедры отправился к нему на квартиру с поздравлениями <...> нам навстречу вышел совершенно

пезнакомый Равдоникас – высокий умиротворенный старик с двупрядной седой бородой и белой шевелюрой.

Его успели похоронить заживо и забыть, или делали вид, что забыли. Когда в 1976 г. он умер (28.X), основанная с его участием “Советская археология”, давно редактируемая А. В. Арциховским и замепившая опежскую лосиху на обложке вятичским кольцом, не напечатала даже скромного некролога. Видать, ничего не забыли» (Клейн 2010: 384).

Клейн 2010 – *Клейн Л. С.* Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 1. С. 373–384.

Равдоникас 1936 – *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Опежского озера / Наскальные изображения Опежского озера и Белого моря. М.; Л., 1936. Ч. 1.

Равдоникас 1938 – *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Белого моря / Наскальные изображения Опежского озера и Белого моря. М.; Л., 1938. Ч. 2.

Н. И. Платонова

**ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ –
заведующий ЛОИИМК АН СССР в марте–декабре 1946 г.**

П. П. Третьяков (рис. 4, 3) родился 12 ноября 1909 г. в Костроме в семье учителя гимназии. В 1926 г. он поступил на археологическое отделение Ямфака ЛГУ (заканчивая в 1930 г. пришлось уже Историко-лингвистический институт). Его учителем стал П. П. Ефименко.

В 1930–1931 гг. П. Н. Третьяков – активный сотрудник сразу нескольких рабочих групп ГАИМК, автор ряда программных, новаторских публикаций, утверждающих социологический подход к памятникам. Одновременно он активно вел полевые работы, преподавал в ЛГУ.

В 1941 г. Пётр Николаевич ушел на фронт добровольцем и был направлен на работу в Главное Политуправление РККА. Затем до конца войны он был преподавателем Военно-Политической академии. Это сделало его номенклатурным работником, открыло путь к высоким административным постам. В 1946 г. П. П. Третьяков был назначен заведующим ЛОИА и сразу же защитил докторскую диссертацию по книге, изданной в 1941 г. В январе 1947 г. его перевели в Москву на работу в ЦК ВКП(б). Первая «аппаратная» должность называлась: «консультант Управления пропаганды ЦК ВКП(б)». В 1947 г. он становится профессором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), в 1951 г. – директором Института славяноведения АН СССР, в 1954 г. – заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР.

Карьера П. Н. Третьякова как чиновника от науки закончилась в 1958 г. В июне этого года он был утвержден в звании чл.-корр. АН СССР, но осенью неожиданно уехал в Ленинград, чтобы в 1959 г. оформиться в ЛОИИМК старшим научным сотрудником. Прямо или косвенно это было связано с непрерывным переделом власти в правительстве СССР, который не мог не затрагивать П. Н. Третьякова как ответственного работника ЦК КПСС и АН СССР. Возможно, в кругах московского чиновничества кое-кто опасался тогда новых «чисток».

Вернувшись в ЛОИИМК, Пётр Николаевич занялся исключительно археологией. Именно в этот период он сумел развернуть очень широкие поисковые работы в Поднепровье и Подесенье и сформулировал новую концепцию славянского этногенеза, которая была затем уточнена и развита его учениками. В конечном счете он внес очень большой вклад в раннесредневековую археологию Восточной Европы.

Разумеется, портрет П. П. Третьякова будет неполон, если умолчать о «теневых» сторонах его натуры. Несомненно, это был волевой человек, очень организованный, глубоко увлеченный своим делом, не терпевший расхлябанности и предпочитавший ей жесткую дисциплину. Но годы, проведенные «в номенклатуре», сформировали у него привычку с каторжной честностью выполнять задания «сверху». При конфликтном снятии с заведования Лабораторией археологической технологии Я. А. Шера в 1972 г., с подачи заведующего ЛОИА В. П. Шилова, П. П. Третьяков был назначен председателем комиссии и, к сожалению, задание выполнил.

Скончался П. Н. Третьяков 12 июня 1976 г.

Н. И. Платонова

**АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ –
заведующий ЛОИИМК АН СССР с 17 марта 1949 г. по 10 апреля 1951 г.**

А. П. Окладников (рис. 4, 4) родился в с. Константиновщина (оно же Тыпта), на р. Илге, притоке Лены, Иркутской губ. 3 октября 1908 г. В анкетах 1930-х гг. он писал, что отец его – сельский учитель, женившийся на крестьянке. Сам А. П. Окладников по окончании семилетки был отправлен в Иркутск, в педтехникум, где проучился 2 года. В 1927 г. А. П. Окладников становится заведующим этнографическим музеем (или скорее кабинетом) при Иркутском университете. В 1928 г. он поступает на педагогический (бывший исторический) факультет, а в 1930 г. оставляет учебу. Причины этого до конца не ясны. В дальнейшем он сам писал в анкетах в графе «образование»: «незаконченное высшее». С 1934 г. открывается новый период жизни ученого. Его посылают в Ленинград, в аспирантуру ГАИМК. В 1938 г. А. П. Окладников был зачислен в штат ИИМК старшим научным сотрудником. В 1940 г. он создал Ленскую археологическую экспедицию ИИМК и Института языка и культуры при СНК Якутии, которая продолжалась непрерывно в 1941–1946 гг. Докторскую диссертацию А. П. Окладников защитил в 1947 г. в ЛГУ.

Приказом Президиума АН СССР от 17 марта 1949 г. исследователь был назначен заведующим ЛОИИМК. В тот же год он стал лауреатом Сталинской премии. Однако «развешивание» Н. Я. Марра в 1950 г. и последовавшая за этим разоблачительная кампания повредили административной карьере А. П. Окладникова, считавшегося видным марристом. 29 июня 1951 г. он был официально снят с должности и утвержден заведующим Сектором палеолита (на практике отстранение его от руководства ЛОИИМК произошло несколько раньше). В создавшейся ситуации это можно было рассматривать как административный «потолок» для А. П. Окладникова, хотя он и являлся организатором куда более крупного масштаба.

Сильной стороной А. П. Окладникова как ученого был редкостный дар археолога-поисковика, соединенный с неиссякаемой энергией и талантом организатора. В 1961 г. он переходит на работу в Сибирское отделение АН СССР. С 1964 г. А. П. Окладников – член-корр. АН СССР, с 1966 г. – академик. Тогда же он становится директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Сибирский период его деятельности продолжался 20 лет. А. П. Окладников скончался в Новосибирске 18 ноября 1981 г. К тому времени он уже был Героем Социалистического труда (1978), лауреатом Государственной премии СССР (1973) и многих других наград.

Н. И. Платонова

**МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ДЬЯКОНОВ –
заведующий ЛОИИМК АН СССР с 10 апреля 1951 г. по 5 июня 1953 г.**

М. М. Дьяконов (рис. 5, 1) родился 25 июня 1907 г. в Санкт-Петербурге. С 1924 по 1926 г. он был студентом историко-филологического факультета Королевского университета Фредерика в г. Осло, где его отец служил в советском торговом представительстве. В полном объеме высшее образование М. М. Дьяконов получил в Ленинграде, где с 1926 по 1930 г. он изучал иранские языки на восточном отделении факультета языкознания и материальной культуры (с 1929 г. – историко-лингвистический факультет) ЛГУ. В 1931 г. М. М. Дьяконов поступил в аспирантуру ГЭ и в 1934 г. стал научным сотрудником Комитета по делам искусств в Эрмитаже.

В 1935–1937 гг. исследователь сотрудничает с восточным отделением ЛИФЛИ, преобразованным в 1937 г. в восточное отделение филологического факультета ЛГУ, где с 1938 по 1939 г. он является доцентом кафедры иранской филологии. В 1938–1941 гг. ученый преподает в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры (ЛИЖСА), а с 1949 г. становится профессором ЛИЖСА им. И. Е. Репина.

В начале Великой Отечественной войны М. М. Дьяконов вступил в ряды народного ополчения и был тяжело ранен в 1941 г. В сентябре 1942 г. из блокадного Ленинграда он, по заданию Советского правительства, был направлен в служебную командировку в Иран, из которой вернулся в начале 1943 г. Позднее М. М. Дьяконов принимал участие в военных действиях по освобождению Смоленска.

С мая 1944 г. по октябрь 1945 г. М. М. Дьяконов работал заместителем декана исторического факультета МГУ, одновременно являясь (с марта по октябрь) сотрудником ИИМК. В ноябре 1945 г. он становится сотрудником Сектора Средней и Центральной Азии ЛОИИМК, а также сотрудником Отдела Востока ГЭ (1945–1949). В 1946 г. состоялась защита М. М. Дьяконовым докторской диссертации по истории древнего Ирана. Работая в составе Таджикской экспедиции ЛОИИМК, исследователь сосредоточился на изучении древних памятников Таджикистана ахеменидского, античного и раннесредневекового времени и как лингвист первым обратился к расшифровке хозяйственных документов из архива парфянского городища Старая Ниса в Южном Туркменистане.

17 марта 1949 г. М. М. Дьяконова назначают ученым секретарем ЛОИИМК, а 10 апреля 1951 г. – заведующим ЛОИИМК. Вступление ученого в новую должность проходило на фоне дискуссии по вопросам языкознания, инспирированной И. В. Сталиным и обращенной против господствующего в советской науке учения о языке, которое было разработано в 1920-е гг. академиком Н. Я. Марром. Многие сотрудники ЛОИИМК были обвинены в уклонении от борьбы с научным наследием давно умершего ученого, теоретические взгляды которого неожиданно подверг резкой критике вождь.

М. М. Дьяконову пришлось в спешном порядке делать доклад на заседании бюро Дзержинского райкома ВКП(б) в мае 1951 г. Докладчик в духе того времени заверил партийное руководство, что марризм в ЛОИИМК будет изжит. Хотя ни один из ученых, обвиненных в приверженности концепции Н. Я. Марра, не был репрессирован, М. М. Дья-

копову не удалось отстоять Ученый совет Института, который на волне осуждения марксизма был ликвидирован в июле 1951 г.

При М. М. Дьяконове было осуществлено преобразование структуры ЛОИИМК, которая приобрела форму, практически сохранившуюся до нашего времени. Следует подчеркнуть, что в Институте был восстановлен Сектор археологической технологии, упраздненный в 1939 г.

24 апреля 1953 г. М. М. Дьякопов подал заявление об освобождении его от обязанностей заведующего ЛОИИМК. Его прошение было удовлетворено Президиумом АН СССР 5 июня. С мая по октябрь 1953 г. М. М. Дьякопов руководил Сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК, а после избрания его профессором МГУ с ноября стал читать лекции уже в Москве. Ученый скончался 8 июля 1954 г.

В. А. Алёкин

БОРИС БОРИСОВИЧ ПИОТРОВСКИЙ –
заведующий ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР
с 5 июня 1953 г. по 3 июля 1964 г.

Б. Б. Пиотровский (рис. 5, 2) родился в Санкт-Петербурге 14 февраля 1908 г. в семье подполковника, преподавателя математики и механики в военно-учебных заведениях. В 1930 г. он окончил отделение материальной культуры Ямфака (с 1929 г. – историко-лингвистический факультет) ЛГУ.

В 1929 г. молодой исследователь, еще до получения диплома, стал сотрудником Разряда языка, который возглавлял председатель ГАИМК академик Н. Я. Марр, а затем и сотрудником Разряда древнейших культур Кавказа. Работая в различных подразделениях ГАИМК, Б. Б. Пиотровский одновременно проходил службу и в ГЭ, ставшем фактически с 1935 г. его основным местом работы. В марте 1935 г. Б. Б. Пиотровский был арестован органами НКВД, однако в апреле все обвинения с него были сняты.

Начало Великой Отечественной войны застало его в экспедиции в Армении. По возвращении в Ленинград он подготавливал к эвакуации коллекции ГЭ и пережил тяжелую блокадную зиму 1941/42 г. в осажденном городе. В апреле 1942 г. ученый выехал из Ленинграда. В 1944 г. в Ереване он защитил докторскую диссертацию.

После войны Б. Б. Пиотровский работал одновременно в ЛОИИМК и ГЭ, причем в последнем учреждении он в 1949 г. занял должность заместителя директора по научной работе.

5 июня 1953 г. Б. Б. Пиотровский был назначен заведующим ЛОИИМК. Годы, в течение которых он руководил Институтом, получившим в 1959 г. название Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА), совпали с важными общественными переменами, начавшимися в СССР после смерти И. В. Сталина. С приходом Б. Б. Пиотровского страсти, кипевшие вокруг ЛОИИМК и внутри коллектива, успокоились. Отделение стало работать ритмично. Наладились деловые отношения с московской дирекцией, особенно с заместителем директора Е. И. Крупновым, который многие дела замыкал на себя. В первые годы ИИМК смог обеспечивать справедливое распределение бюджетных средств на экспедиции и листаж на издания книг, и даже ЛОИИМК получало больше. Тогда это отражало действительное положение дел. Со временем многое стало переходить в Москву. ЛОИИМК теряло сборники «Советская археология», «Краткие сообщения Института», менялся состав их редколлегии. Перевод институтского архива в Москву, как свидетельствует Б. Б. Пиотровский в своих воспоминаниях, не состоялся только из-за отсутствия там необходимых помещений. Тем не менее на волне перемен по воле нового директора в январе 1955 г. удалось добиться восстановления Ученого совета в ЛОИИМК. Как руководителю Б. Б. Пиотровскому был свойствен демократический стиль общения с сотрудниками Института. Многие из них он знал еще студентами, читая в течение многих лет курс лекций по археологии Закавказья на кафедре археологии ЛГУ. В целом манера администрирования нового заведующего импонировала научному коллективу.

Во второй половине 1950-х–начале 1960-х гг. резко возрос объем экспедиционных исследований Института. Повседневностью стали хозяйственные экспедиции, проводившие

раскопки в зонах строительства крупных объектов народного хозяйства: в Западной (Новосибирская обл.) и Восточной (Иркутская и Красноярская обл.) Сибири, а также на юге России (Астраханская обл.). Директору удалось наладить их ритмичную работу. Сам Б. Б. Пиотровский с 1961 по 1963 г. возглавлял организованную ЮНЕСКО экспедицию, которая обследовала археологические памятники Нубии, расположенные в зоне затопления Асуанской плотины. При Б. Б. Пиотровском в ЛОИИМК/ЛОИА возникло и окрепло новое исследовательское направление, связанное с изучением древнеземледельческих культур Средней/Центральной Азии.

3 июля 1964 г. решением Правительства Б. Б. Пиотровский был назначен директором ГЭ, где проработал до конца своих дней. Однако он никогда не прерывал научно-организационных связей с Институтом и добрых отношений с его сотрудниками. Успехи исследователя в области археологии были значимы, его избрали академиком АН Армянской ССР (1968) и академиком АН СССР (1970).

Б. Б. Пиотровский скончался 15 октября 1990 г. Его важнейшие научные труды, посвященные цивилизации урартов, до сих пор сохраняют свое значение.

В. А. Алёкин

Рис. 1. Общая фотография членов РАИМК и участников Избирательного совещания в саду Старого Эрмитажа, 7 августа 1919 г., сидят (слева направо): В. В. Бартольд (РАИМК, Первый Петроградский университет), Б. В. Фармаковский (РАИМК), И. Э. Грабарь (РАИМК, Совет Московского отдела по делам музеев), С. Ф. Ольденбург (РАИМК), В. В. Латышев (РАИМК), Н. Я. Марр (РАИМК), 'А. 'А. Васильев (РАИМК), 'А. 'А. Шахматов (РАН), В. К. Мальмберг (РАИМК), Н. П. Сычёв (РАИМК); стоят (слева направо): П. К. Симони, М. В. Фармаковский (член Совета РГАК), 'А. С. Раевский (зав. библиотекой РГАК), 'А. 'А. Миллер (РАИМК), С. С. Лукьянов (РАИМК), К. К. Романов (РАИМК), В. К. Шилейко (РАИМК), И. И. Толстой (РАО), П. П. Покрышкин (РАИМК), Д. 'А. Золотарёв (РЭМ), Б. 'А. Тураев (РАИМК, Первый Петроградский университет), Н. П. Лихачёв, Н. Б. Бакланов (РАИМК), И. 'А. Орбели (РАИМК), 'А. М. Эфрос, Ю. М. Шокальский (ОЛЕ'АЭ при Московском университете), И. Ю. Крачковский (РАО), В. В. Богданов (РАИМК), С. П. Яремич (Эрмитаж), Б. Ф. 'Адлер (ОЛЕ'АЭ при Казанском университете), С. Н. Тройницкий (член Совета РГАК), В. 'А. Щавинский, И. И. Мещанинов, 'А. 'А. Ильин (член Совета РГАК), С. Г. Елисеев (РАИМК), 'А. К. Марков (Эрмитаж), В. К. Никольский (ОЛЕ'АЭ при Московском университете)

Рис. 2. 1 – Н. Я. Марр, 1927 г.; 2 – А. А. Васильев, 1919 г.; 3 – Ф. В. Кипарисов (?); 4 – С. Ф. Ольденбург, 1934 г.; 5 – В. В. Бартольд, начало 1920-х гг.

Рис. 3. 1 – И. А. Орбели, 1932 г.; 2 – М. И. Аргамонов, октябрь 1940 г.; 3 – С. А. Жебелёв, 1923 г.; 4 – С. Н. Бибилов, 1940 г.

Рис. 4. 1 – С. И. Ковалёв, до 1941 г.; 2 – В. И. Равдоникас, 1947 г.; 3 – П. Н. Третьяков, около 1950 г.; 4 – А. П. Окладников, конец 1970-х гг.

Рис. 5. 1 – М. М. Дьяконов, 1949 г.; 2 – Б. Б. Пиотровский; 3 – М. К. Каргер; 4 – В. П. Шилов
(2–4 – фото 1970-х гг.)

Рис. 6. 1 – В. П. Любин; 2 – Н. Н. Гурина; 3 – В. М. Массон (1–3 – фото 1985 г.); 4 – Е. Н. Носов, 2009 г.

Рис. 7. 1 – Б. В. Фармаковский, 1927 г.; 2 – И. И. Мещанинов, 1948 г.; 3 – В. В. Гольмстен, 1933 г.; 4 – В. И. Селиванов, 1935 г.; 5 – С. П. Томсинский; 6 – Л. П. Хлобыстин, 1970-е гг.; 7 – В. А. Алёкшин, 1999 г.; 8 – С. Н. Астахов, 1970-е гг.; 9 – О. И. Богуславский, 2010 г.

Рис. 8. 1 – Е. А. Векилова; 2 – В. С. Сорокин; 3 – Н. Д. Праслов; 4 – А. К. Филиппов; 5 – Л. Б. Кирчо; 6 – С. А. Кулаков, 2010 г.; 7 – В. И. Распопова; 8 – Г. В. Сینیцна; 9 – П. Е. Нехорошев (1, 4, 5, 8, 9 – фото 1985 г.; 2, 3 – фото 1970-х гг.)

**МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ КАРГЕР –
заведующий ЛОИА АН СССР с 3 июля 1964 г. по 14 октября 1971 г.**

М. К. Каргер (рис. 5, 3) родился в Казани 30 мая 1903 г. в учительской семье. В 1919 г. он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Самарского университета, в 1922 г. перевелся оттуда на ФОН Петроградского университета, который окончил в 1923 г. В 1924 г. М. К. Каргер сдал магистерские испытания по нескольким темам. Можно констатировать, что, несмотря на краткий срок обучения в Петрограде, он сполна использовал возможности общения с ведущими учеными университета. Его непосредственным руководителем был Н. П. Сычёв.

М. К. Каргер остался работать в университете ассистентом, а с 1929 г. – доцентом, совмещая это с работой в Русском музее (научный сотрудник, в 1935–1936 гг. – заведующий отделом древнерусского искусства). В 1929 г. его принимают в ГАИМК. В 1933 г. исследователь получает статус действительного члена ИИФО. Тогда же под эгидой ГАИМК им разворачиваются в Новгороде широкие реставрационные работы.

В 1935 г. М. К. Каргера обвинили во вредительстве, но дело не состоялось благодаря поддержке председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисова и тому обстоятельству, что самого «разоблачителя» А. И. Кауля – директора ИИТ сняли с должности и отправили с понижением в г. Ставрополь. В 1936 г. директор Новгородских музеев А. А. Строков написал другой донос, вновь обвинив Каргера во вредительстве и намеренном уничтожении объектов культурного наследия. В конечном счете дело было прекращено, но М. К. Каргеру пришлось уйти из Русского музея и прекратить работы в Новгороде. Тем не менее в 1937 г. он был принят на работу в ИИМК АН СССР и одновременно приглашен на исторический факультет ЛГУ. Начиная с 1940 г. местом основной работы Каргера считалась Академия художеств, где он преподавал и являлся заместителем директора Института им. И. Е. Репина.

В июле 1941 г. М. К. Каргер ушел на фронт добровольцем и оказался в политотделе 8-й армии, оборонявшей Ленинград (старший инструктор, военный комиссар штаба). В октябре 1943 г. он был демобилизован по ходатайству Президиума АН СССР. В 1943–1948 гг. заведовал кафедрой русского искусства в Академии художеств, а с 1949 г. возглавил кафедру истории искусств на истфаке ЛГУ. В 1959 г. М. К. Каргеру было присвоено звание доктора исторических наук.

В июле 1951 г., когда на волне антимарристской кампании Сектор Древней Руси и Восточной Европы ЛОИИМК был превращен в Группу славяно-русской археологии, М. К. Каргера назначили ее заведующим. На этой должности он оставался вплоть до 1974 г. В период с 3 июля 1964 г. по 14 октября 1971 г. он также являлся заведующим ЛОИА.

Администратором он был достаточно инертным – не слишком радел об интересах своего Института и предпочитал не беспокоить ими начальство. Но лично ему руководящее положение давало очень большие возможности для организации экспедиционных работ и издания материалов. Он широко этим пользовался.

М. К. Каргером была выработана отточенная методика полевого исследования архитектурных памятников, радикально обновлена источниковая база данных о строительном деле Древней Руси. Педагогическая и экспедиционная деятельность исследователя

фактически сформировала в отечественной науке новое направление – архитектурную археологию. Трудам М. К. Каргера свойственны глубина, точность, документальность.

Впрочем, отдавая должное крупнейшему ученому, нельзя не сказать и о другом. М. К. Каргер был, мягко выражаясь, непростым человеком. В зрелые годы он никого из окружающих не любил и не уважал. Будучи «в силе», мог совершенно беспардонно распоряжаться научными достижениями своих подчиненных. Ему была свойственна почти патологическая скупость, во многом определявшая стиль поведения. М. К. Каргер скончался в Ленинграде 26 августа 1976 г. В последние полтора года он числился в ЛОИА консультантом. Всю жизнь он был одержимым коллекционером – собирателем книг, рисунков, чертежей. В результате у него составились интересные, очень ценные собрания. Увы, их обладателю выпала одинокая старость, которой не могли скрасить даже ближайшие ученики, с которыми он не умел и не хотел быть по-человечески близким. После его смерти и коллекции, и библиотека пошли прахом, попав в случайные или нечистые руки.

Н. И. Платонова

ВАЛЕНТИН ПАВЛОВИЧ ШИЛОВ –
заведующий ЛОИА АН СССР с 14 октября 1971 г. по 11 января 1976 г.

В. П. Шилов (рис. 5, 4) родился 11 декабря 1917 г. в местечке Тальное Уманского уезда Киевской губ. В 1941 г. он завершил учебу на кафедре истории доклассового общества (археологии) исторического факультета ЛГУ и, будучи призванным в армию, в декабре 1941 г. окончил Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище, эвакуированное тогда в г. Энгельс Саратовской обл. Участник Великой Отечественной войны в 1942–1945 гг.

С 1946 г. В. П. Шилов в аспирантуре ЛОИИМК, затем – научный сотрудник в Секторе Средней Азии и Кавказа, канд. ист. наук. Его научные интересы были связаны с изучением древностей бронзового и железного веков степной зоны Восточной Европы.

14 октября 1971 г. В. П. Шилов был назначен заведующим ЛОИА. По его инициативе при Институте в 1972 г. была создана объединенная Лаборатория камеральной обработки, во главе с А. Я. Щетенко, в состав которой были включены лаборанты, состоявшие в штате различных секторов.

Не все коллеги В. П. Шилова в силу своих амбиций признали его в качестве лидера Института. Это обстоятельство со временем привело к разногласиям между заведующим и рядом его подчиненных, фронда которых вызвала ответную жесткую реакцию человека, нервная система которого после двух ранений и контузии, полученных еще в годы войны, не могла выдерживать постоянных перегрузок. Стремление В. П. Шилова влиять на решение организационных вопросов, связанных с функционированием хоздоговорных сибирских экспедиций, натолкнулось на неприятие со стороны заинтересованных руководителей отрядов. В этом столкновении интересов и характеров заведующий не смог остудить страсти и занять взвешенную позицию. Противоречия между директором и подчиненными и среди последних вылились в затяжной конфликт, за которым последовали увольнения сотрудников, выступавших наперекор заведующему. Стали поступать жалобы в вышестоящие инстанции. Такой ход событий пагубно влиял на положение дел в Институте. В конце концов по рекомендации ленинградских партийных органов и с согласия директора ИА АН СССР Б. А. Рыбакова В. П. Шилов был смещен в январе 1976 г. со своего поста и вернулся в Сектор археологии Средней Азии и Кавказа. Спустя два года он был переведен на работу в ИА АН СССР в Москву, где в течение ряда лет занимал должность заместителя директора, а затем (до 1995 г.) – старшего научного сотрудника в Отделе неолита и бронзы.

В. А. Алёшкин

**ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ЛЮБИН –
временно исполняющий обязанности заведующего ЛОИА АН СССР
с 12 января по 20 мая 1976 г.**

В. П. Любин (рис. 6, 1) родился 18 января 1918 г. на Украине в г. Николаеве. В 1941 г. он успешно завершил учебу на историческом факультете Одесского государственного университета. В начале Великой Отечественной войны В. П. Любин был мобилизован в РККА и в 1942 г. окончил зенитно-артиллерийское училище в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). Он воевал на советско-германском и советско-японском фронтах в 1943–1945 гг.

С 1950 г. В. П. Любин в ЛОИИМК в аспирантуре, затем в Секторе/Отделе палеолита, специалист по изучению нижнего и среднего палеолита, зав. Отделом/Сектором в 1979–1988 гг., д-р ист. наук с 1975 г.

12 января 1976 г. В. П. Любин был назначен исполняющим обязанности заведующего ЛОИА. Выбор на этот пост кандидатуры В. П. Любина в немалой степени был обусловлен тем, что в начале 1970-х гг. он являлся секретарем партийной организации ЛОИА. Его спокойная и доброжелательная манера общения с людьми сыграла положительную роль в устранении напряженности, создавшейся к этому времени в Институте. Обязанности заведующего ученый исполнял до конца мая.

В. А. Алёкин

**НИНА НИКОЛАЕВНА ГУРИНА –
исполняющая обязанности заведующей ЛОИА АН СССР
с 20 мая 1976 г. по 4 января 1982 г.**

Н. Н. Гурина (рис. 6, 2) родилась 17 июня 1909 г. в г. Ростове Великом Ярославской губ. В 1930 г. она окончила этнологический (впоследствии историко-философский) факультет Первого Московского университета по археологическому циклу исторического отделения, затем работала в музеях Карелии.

В 1934 г. Н. Н. Гурина поступает на работу в ГЭ, а в 1935 г. – в ГАИМК, в Институт истории доклассового общества. Ее научные интересы были связаны с изучением культур мезолита, неолита и раннего металла Северных и Северо-Западных регионов России и остались таковыми на долгие годы. В аспирантуру ИИМК Н. Н. Гурина поступила в 1943 г. и окончила ее в 1945 г. Спустя год она стала сотрудником Сектора палеолита и неолита. С 1951 до 1960 г. Н. Н. Гурина – ученый секретарь ЛОИИМК, д-р ист. наук с 1963 г.

С 20 мая 1976 г. и до 4 января 1982 г. Н. Н. Гурина являлась исполняющей обязанности заведующей ЛОИА. Она показала себя осмотрительным администратором и стремилась направить жизнь Института в деловое русло, как она это понимала. А понимала Нина Николаевна многое излишне прямолинейно, искренне полагая, будучи сама четким и трудолюбивым человеком, что дисциплина нахождения в стенах учреждения является основой повышения уровня научной работы каждого сотрудника и всего коллектива в целом. Начались регулярные проверки посещаемости, были заведены журналы учета времени прихода на работу, причин и времени ухода сотрудников и т. д. Н. Н. Гурина, всегда опасавшаяся каких-либо внешних осложнений в работе Института, старалась следовать многочисленным постановлениям, указаниям и рекомендациям партийных, советских и академических органов, многие из которых бюрократизировали научную работу и только мешали заниматься делом. К сожалению, как руководитель она была подвержена посторонним влияниям. Значимой фигурой при ней стал А. Я. Щетенко, многолетний секретарь партийной организации ЛОИА. Нина Николаевна часто придерживалась его логики и рекомендаций. Так, был жестко осуществлен перевод целого ряда крупнейших ученых и старейших сотрудников ГАИМК/ИИМК/ЛОИА на пенсию и в научные консультанты. Ротация была необходима, но ее можно было осуществить мягче и мудрее.

В годы руководства Н. Н. Гуриной размах полевых изысканий Института оставался значительным. Появились новые крупные хозяйственные экспедиции: Кубанская, Бейская, Среднеднепровская и Сибирская. Стараниями и энтузиазмом Нины Николаевны в ЛОИА было проведено Второе Всесоюзное неолитическое совещание (1977). До конца своих дней (9 сентября 1990 г.) Н. Н. Гурина продолжала работать в качестве старшего научного сотрудника-консультанта Сектора палеолита, руководя его неолитической группой.

В. А. Алёкинин

**ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ МАССОН –
заведующий ЛОИА АН СССР/директор ИИМК РАН
с 4 января 1982 г. по 29 апреля 1998 г.**

В. М. Массон (рис. 6, 3) родился 3 мая 1929 г. в г. Самарканде (ныне центр Самаркандского вилоята Республики Узбекистан). В 1950 г. он завершил обучение на кафедре археологии Средней Азии Среднеазиатского государственного университета в г. Ташкенте и поступил в аспирантуру Туркменского филиала АН СССР, по ходатайству которого в апреле 1952 г. В. М. Массона перевели в аспирантуру ЛОИИМК. После ее окончания в апреле 1954 г. он был зачислен в Сектор Средней Азии и Кавказа. С его появлением в Институте стало развиваться новое направление, связанное с исследованием древнеземледельческих памятников Средней Азии. В 1963 г. Вадим Михайлович защитил докторскую диссертацию, а в ноябре 1968 г. возглавил Сектор/Отдел Средней/Центральной Азии и Кавказа.

С 4 января 1982 г. В. М. Массон стал заведующим ЛОИА. В годы его руководства вплоть до начала 1990-х гг. Институт формировал и направлял деятельность многочисленных хозяйственных и бюджетных экспедиций. Будучи инициативным организатором науки, В. М. Массон возглавил в 1970–1980-х гг. межреспубликанский Научный Совет по археологии Средней Азии и Казахстана, который проводил региональные совещания по актуальным проблемам археологии этого обширного региона.

Вадим Михайлович был увлечен вопросами археологической теории и философии науки. При нем стал активно функционировать Методологический семинар, к руководству которым был привлечен философ В. Н. Боряз, взятый в штат Института. В. М. Массон был одним из главных инициаторов проведения в Ленинграде в первой половине 1970-х гг. четырех симпозиумов, посвященных социологической интерпретации археологических источников.

Были установлены широкие международные связи ЛОИА, проведены крупные конференции по дискуссионным проблемам первобытной археологии Среднего Востока, Южной Азии и Европы в сотрудничестве с учеными Дании, Англии, Франции, США, Индии и другими, организован взаимный обмен исследователями, в том числе участие в археологических раскопках на ключевых памятниках. В. М. Массон способствовал интеграции советской и западной археологии, слому, как он любил повторять, «берлинской стены в науке». Особенно плодотворными оказались контакты с английским проф. Питером Акко, завязавшиеся во время Всемирного археологического конгресса 1986 г., проходившего в г. Саутгемптон (Англия). Ученые ЛОИА были вовлечены в различные совместные проекты с английскими коллегами по широкому кругу актуальных проблем, начиная с периода палеолита и эпохи бронзы вплоть до раннего средневековья Евразии. Тесные рабочие отношения сложились с датскими археологами во главе с проф. Олафом Олсеном, директором Национального музея в Копенгагене и государственным антиквариаром, и проф. Клаусом Рансборгом. Активности заведующего ЛОИА на путях международного сотрудничества способствовала большая открытость Советского Союза после прихода к власти М. С. Горбачёва и более либеральная внутренняя и внешняя политика России, которая свойственна ей со времен президентства Б. Н. Ельцина.

Значительным успехом в период административной деятельности В. М. Массона стало преобразование в 1991 г. ЛОИА в ИИМК РАН – самостоятельное академическое учреждение в системе Российской Академии наук с отдельным финансированием. Правда, считать это целиком заслугой В. М. Массона неверно. Ленинградский научный центр (ЛНЦ) направил тогда ходатайство в Президиум АН СССР о создании на базе находившихся в подчинении центра филиалов и отделений нескольких самостоятельных учреждений, имея целью преобразование самого ЛНЦ в Отделение Академии наук по типу Сибирского или Уральского. Последнее начинание не получило поддержки в Москве, а создание самостоятельных институтов было одобрено. В. М. Массон изначально был активным сторонником изменений, и поэтому ЛОИА обрело свой полноценный статус на многие годы раньше, чем ряд родственных гуманитарных институтов Санкт-Петербурга, руководители которых заняли выжидательную позицию.

Росту авторитета ИИМК среди археологических учреждений страны способствовало возобновление работы в Институте Ученого совета по защите ученой степени доктора исторических наук. Среди несомненно удачных начинаний В. М. Массона следует назвать основание в 1992 г. ежегодника «Археологические вести», ставшего со временем солидным научным изданием. Многие монографии сотрудников Института и сборники работ стали издаваться с единой нумерацией в серии «Труды ИИМК РАН», по типу публиковавшихся в советское время выпусков МИА.

В. М. Массон почти всегда поддерживал начинания сотрудников, легко улавливал новые идеи, легко их обобщал и генерализировал, писал много и свободно, любил различного рода семинары, особенно молодежные, и стремился всегда издавать тезисы или сборники докладов.

К сожалению, как руководитель Института В. М. Массон не смог палатить ровных и справедливых, с точки зрения сотрудников ЛОИА, отношений с дирекцией головного Института в Москве. Это касалось различных сторон жизни коллектива: в первую очередь распределения печатного листаж и отбора книг для издания, выделения средств на экспедиции и заграничные командировки и даже экзаменов в аспирантуру. Правда, выпить в этом только одного ленинградского директора было бы совершенно неправильно. Академик Б. А. Рыбаков не раз повторял ленинградцам: «У нас единый институт. Зачем что-либо делить. Будем издавать лучшее». Только вот это лучшее почему-то в Москве явно преобладало, отнюдь не всегда соответствуя реальному положению дел.

События, последовавшие за августом 1991 г., привели к резкому урезанию бюджетного финансирования российской науки. В связи с этим свертывалась экспедиционная деятельность Института. Экспедиций за счет государственного бюджета не стало, а хозяйственные работы, прежде всего в Сибири, на протяжении 1990-х гг. также неуклонно сокращались. Зарождавшаяся практика привлечения грантов РФФИ, РГНФ и СПбНЦ РАН не могла восполнить падение объема полевых работ.

В. М. Массон при всей своей кипучей энергии и целеустремленности стремился избежать «черновой» директорской работы (содержание здания, аренда, ремонты, оборудование, планирование) и оттягивал решение таких вопросов до последнего, постоянно выезжая в командировки. Как руководитель он далеко не всегда прислушивался к аргументам оппонента, даже если в них содержалось рациональное зерно. В целом Вадим Михайлович был доброжелательным человеком, хотя не всем импонировали стиль его руководства и манера держаться, но ведь всеобщей любви и не бывает.

В. М. Массон был действующим директором ИИМК до апреля 1998 г., а заведующим Отделом Центральной Азии и Кавказа – до марта 2003 г. С 1 апреля 2003 г. вплоть до своей кончины 19 февраля 2010 г. В. М. Массон являлся главным научным сотрудником ИИМК РАН.

В. А. Алёшкин

**ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ –
директор ИИМК РАН с 29 апреля 1998 г.**

Е. Н. Носов (рис. 6, 4) родился в 21 августа 1949 г. в Ленинграде. После окончания кафедры археологии ЛГУ в 1971 г. принят лаборантом в ЛОИА АН СССР. Спустя два года он поступил и в 1976 г. окончил аспирантуру, а затем был оставлен в штате Института. Вектор научных интересов Е. Н. Пособа направлен на исследование проблем происхождения древнерусских городов, взаимоотношений славян с финно-угорским и скандинавским миром и на изучение международных торговых путей Древней Руси. 17 марта 1988 г. Е. Н. Пособ был назначен заместителем заведующего ЛОИА по научным вопросам. С 1992 г. он является доктором исторических наук, в 2000 г. становится чл.-корр. РАН, в 2002 г. его избрали по конкурсу заведующим кафедрой археологии СПбГУ.

В марте 1998 г. на собрании коллектива ИИМК РАН Е. Н. Носов был выдвинут кандидатом на должность директора учреждения, 24 марта 1998 г. на Общем собрании Отделения истории РАН – директором Института, а 29 апреля назначен и. о. директора. 29 мая Президиум РАН утвердил его в этой должности.

Назначение ученого состоялось незадолго до финансового кризиса, потрясшего страну и мир в августе 1998 г., после чего была принята государственная политика ежегодного сокращения численности РАН и стали поступать предложения о реформировании Академии наук и лишении ее независимого статуса. Пришлось пережить тяжелый период, ибо подобные реформы держат коллектив годами в первом напряжении. Численность штатного состава Института за 15 лет уменьшилась на треть. Единственно, что удалось предпринять, чтобы смягчить ситуацию, это раздробить ставки и тем самым, не увольняя часть ученых, дать им возможность получать небольшую зарплату, урезанные надбавки за степень, премии и участвовать в грантах. В результате при утверждаемом для Института руководством Академии числе ставок количественный состав ИИМК был всегда на 10–12 человек больше. Это явилось очень важным стабилизирующим фактором в жизни коллектива при нынешней скудной уравнивающей пенсионной системе. Дефолт прежде всего сказался на бюджетном финансировании ИИМК. Последнее обеспечивало лишь выплату зарплаты, при отсутствии средств на проведение экспедиций, командировки и даже оплату части коммунальных услуг. Отсутствовали средства за аренду всех дополнительных помещений, занимаемых экспедициями Института для камеральной обработки материалов, поскольку деятельность самих экспедиций на новостройках практически заглохла. Расплатившись с долгами, ИИМК отказался от арендуемых у города помещений, полностью «втянувшись» в пределы академического здания на Дворцовой набережной после проведения здесь различных ремонтов и перемещения материалов архивов, библиотеки и камералок.

Со временем финансирование экспедиций стабилизировалось за счет средств Президиума РАН, ОИФН, грантов РФФИ, РГНФ и Министерства культуры. Возросли объемы работ в зонах нового строительства. В 2001 г. была создана Группа археологического мониторинга, целью которой было объединение всех археологических работ Института за

счет внебюджетных средств и поиски дополнительных источников финансирования. Ее сменила Группа охраны раскопок, превращенная по мере расширения объема работ в Отдел. Все это способствовало финансовому укреплению бюджета Института. Многократно увеличился объем работ, проводимый ИИМК на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей, появились средства на дополнительные научные издания, покупку необходимого оборудования, ремонты помещений.

В первые годы после дефолта сотрудники Института, которым часто приходилось добывать дополнительные средства для обеспечения жизни своих семей приработками вне ИИМК, оказались разобщенными. Некоторых из них обстоятельства принудили даже расстаться с научной работой. В таких условиях воссоздание духа корпоративности, в лучшем смысле этого слова, стало одной из насущных задач администрации. По замыслу директора таким общим объединяющим днем мог стать День Института, учрежденный в 1999 г. Его решено было проводить ежегодно в среду третьей недели апреля, поскольку именно 18 апреля 1919 г. декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина был создан сам Институт, точнее, его предшественник РАИМК. К Дню Института приурочили общее собрание коллектива, ставшее своеобразным археологическим пленумом, на котором руководители экспедиций делали сообщения о важнейших полевых открытиях. С 2007 г. заведующие Отделами стали предоставлять в День Института доклады, посвященные легкой, подчас трагической истории подразделений ИИМК. Связь времен иногда пужно было поддерживать и таким внешне бюрократическим способом. Однако по сути дела подобные мероприятия явились своеобразным тестом для нынешнего коллектива ИИМК, тестом, который показал, что традиции русской академической науки не являются для него пустым звуком. Впоследствии у Е. Н. Носова возникла мысль, объединив такого рода доклады, издать книгу, посвященную истории главного археологического учреждения Петрограда/Ленинграда/Санкт-Петербурга.

Директор Института инициировал создание его двух новых периодических изданий. Одно из них получило название «Записки ИИМК РАН» (к настоящему времени вышло 8 номеров, ответственная за выпуск – Л. Б. Кирчо), а другое – «Бюллетень ИИМК РАН», посвященный проблемам охранной археологии (вышло 3 номера, ответственная за выпуск – И. Ф. Соловьёва). Удалось укрепить авторитет ежегодника «Археологические вести» – 19 номеров (ответственная за выпуск И. В. Хвоцинская). Очень важно, что и «Вести», и «Записки» включены в перечень изданий ВАК.

За годы руководства Е. Н. Носова Институтом были организованы крупные международные конференции, посвященные памяти известных археологов, оставивших заметный след в науке (А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, Е. А. Горюнов, М. П. Грязнов – дважды, Н. Н. Гурина, И. И. Ляпушкин, С. А. Семёнов). Значительным событием в жизни коллектива явилось проведение в октябре 2011 г. III (XIX) Всероссийского археологического съезда в Старой Руссе и в Новгороде. Его организация в своей основе легла на плечи сотрудников ИИМК. Съезд, собравший более 700 участников, явился самым крупным археологическим форумом за всю историю России.

Е. Н. Носову удалось установить нормальные творческие отношения с руководством Института археологии РАН в Москве – прежде всего с его директорами чл.-корр. Р. М. Мушкетовым и академиком Н. А. Макаровым (выполнение совместных проектов, обмен информацией, взаимные консультации, общие конференции). В условиях обострившейся конкуренции на археологическом поле, прежде всего при проведении охранных работ, стало очевидным, что только кооперация и согласованные действия институтов РАН могут сохранить подлинную академическую науку на достойном уровне среди различных частных фирм и общественных объединений.

В целом за годы пребывания Е. Н. Носова в должности директора Института в сложных условиях российской действительности начала XXI в. не растерял свой интеллектуальный потенциал и остался одним из крупнейших археологических центров России. Есть одно обстоятельство, которое внушает тревогу за его судьбу. Речь идет о дефиците молодых специалистов в стенах ИИМК и плановой ротации кадров, что подрывает традиции преемственности в науке. Однако нельзя не сказать, что это явление стало общей бедой отечественной науки и пенсионного законодательства, с перспективами развития которых государство пока не определилось.

В. А. Алёкин

ТОВАРИЩИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АКАДЕМИИ, ЗАМЕСТИТЕЛИ ДИРЕКТОРОВ ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ И УЧЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ ИНСТИТУТА

В научно-организационной деятельности Академии/Института важную роль всегда играли ближайшие помощники его главы – заместитель по научной работе и ученый секретарь Ученого совета, этого коллективного органа академического управления. При этом заместитель, как правило, выполнял функции главы организации во время его отпуска или командировок и помогал в разработке основных научных направлений, структуры и кадровых назначений в организации.

В РАИМК/ГАИМК до 1929 г. заместитель по научной работе именовался, в соответствии с дореволюционной номенклатурой, «товарищ Председателя Академии», и этот пост занимали крупнейшие ученые – академики и члены-корреспонденты СПбАН, РАН и АН СССР: в 1920 г. – **Борис Владимирович Фармаковский** (рис. 7, 1), в 1921–1922 гг. – **Василий Владимирович Бартольд** (рис. 2, 5), в 1923 г. – **Сергей Фёдорович Ольденбург** (рис. 2, 4), а в 1923–1928 гг. – **Сергей Александрович Жебелёв** (рис. 3, 3).

С 1929 г. должность стала именоваться «Заместитель Председателя ГАИМК по научной части». Первым заместителем Председателя ГАИМК стал **Фёдор Васильевич Кипарисов** (рис. 2, 3), однако он по сути являлся главой Академии, и в 1931 г. заместителем председателя по научной части был назначен этнограф **Сергей Николаевич Быковский**, в 1932 г. – историк **Абрам Григорьевич Пригожин**, а в 1934–1935 гг. – чл.-корр. АН СССР **Семён Григорьевич Томсинский** (рис. 7, 5).

После преобразования ГАИМК в ИИМК АН СССР заместителями директора становились ученые, возглавлявшие позднее Институт: в 1937–1939 гг. – **Михаил Илларионович Артамонов** (рис. 3, 2), в 1940–1941 гг. – **Пётр Николаевич Третьяков** (рис. 4, 3) и с сентября 1942 г. по 15 октября 1943 г. – **Сергей Николаевич Бибиков** (рис. 3, 4). В ЛОИА АН СССР штатной должности заместителя заведующего Ленинградским отделением не было. Однако в 1982 г., в связи с возрастающим объемом полевых работ, увеличением численности как штатных, так и внештатных сотрудников и расширением тематики археологических исследований, в ЛОИА появляется постоянный заместитель заведующего по научной работе (на общественных началах) – **Леонид Павлович Хлобыстин** (рис. 7, 6). После его кончины в 1988 г. заместителем заведующего ЛОИА становится **Евгений Николаевич Носов** (рис. 6, 4), который после преобразования ЛОИА АН СССР в ИИМК РАН и до своего избрания директором ИИМК в 1998 г. являлся штатным заместителем директора по научной работе. В последние десятилетия в этой должности работали: в 1998–2003 гг. – **Вадим Андреевич Алёшкин** (рис. 7, 7), в 2003–2006 гг. – **Сергей Никитович Астахов** (рис. 7, 8), а с лета 2006 г. – **Олег Игоревич Богуславский** (рис. 7, 9).

Ученые секретари Академии/Института не только обеспечивали работу Ученого совета, но и готовили все материалы по планированию, координации, организации и отчетам о научных исследованиях учреждения, а также конкурсам на замещение вакантных научных должностей и присуждению ученых степеней и званий. Кроме того, ученые секретари традиционно курируют работу архивов.

Учеными секретарями РАИМК/ГЛИМК были: в 1919 г. – **Иосиф Абгарович Орбели** (рис. 3, 1), в 1920 г. – **Сергей Сергеевич Лукьянов**, в 1921–1928 гг. – **Борис Владимирович Фармаковский** (рис. 7, 1), в 1928–1930 гг. – **Иван Иванович Мещанинов** (рис. 7, 2), в 1930 г. – **Сергей Николаевич Быковский**, в 1931–1933 гг. – **Вера Владимировна Гольмстен** (рис. 7, 3) и в 1933–1937 гг. – **Владимир Иванович Селиванов** (рис. 7, 4).

В дальнейшем учеными секретарями ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР работали: в 1937–1938 гг. – экономист **Дмитрий Дмитриевич Тимофеев**, в 1939–1949 гг. – **Сергей Николаевич Бибилов** (рис. 3, 4), в 1949–1951 гг. – **Михаил Михайлович Дьяконов** (рис. 5, 1), в 1951–1960 гг. – **Нина Николаевна Гурина** (рис. 6, 2), в 1960–1962 гг. – **Елена Алексеевна Векилова** (рис. 8, 1), в 1962–1976 гг. – **Всеволод Сергеевич Сорокин** (рис. 8, 2), в 1976–1979 гг. – **Николай Дмитриевич Праслов** (рис. 8, 3) и в 1979–1985 гг. – **Анатолий Кузьмич Филиппов** (рис. 8, 4).

В 1985 г. в ЛОИА произошло разделение функций ученого секретаря Института и ученого секретаря специализированного Совета по защитах кандидатских диссертаций. Ученым секретарем ЛОИА, а затем ИИМК РАН с 1985 по начало 1996 г. была **Любовь Борисовна Кирчо** (рис. 8, 5), которую сменил в 1996 г. **Сергей Александрович Кулаков** (рис. 8, 6). А. К. Филиппов оставался (на общественных началах) ученым секретарем диссертационного («защитного») Совета ЛОИА до 1987 г., а затем его сменила **Валентина Ивановна Распопова** (рис. 8, 7). В 1991 г. на волне перестройки В. М. Массон добился преобразования диссертационного Совета ЛОИА АН СССР в Совет по защитах как кандидатских, так и докторских диссертаций. Ученым секретарем этого Совета стала **Галина Васильевна Сеницына** (рис. 8, 8), а с 1998 г. ученым секретарем диссертационного Совета ИИМК РАН является (на общественных началах) **Павел Евгеньевич Нехорошев** (рис. 8, 9).

Л. Б. Кирчо

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА	– Академия архитектуры.
АВ	– Археологические вести. СПб.; М.
АИЧПЕ	– Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.
АН	– Академия наук.
АРЭМ	– Архив Российского Этнографического музея. СПб.
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика.
БАН	– Библиотека Академии наук. Л./СПб.
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БПЦ	– Башкирский научный центр АП СССР.
БОА	– Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб.
БС	– Балтийская система.
ВГО	– Всесоюзное географическое общество.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВДНХ	– Выставка достижений народного хозяйства СССР. М.
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВО	– Восточное отделение.
ВОКН	– выявленный объект культурного наследия.
ВПС	– Всероссийский Поместный собор.
вр.	– временно.
ВСЕГЕИ	– Всероссийский геологический институт. Л./СПб.
ВХУТЕМАС	– Высшие государственные художественно-технические мастерские. Пг.; М.
ВЦИК	– Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СПК РСФСР.
ГАА	– Группа античной археологии ЛОИА АП СССР.
ГАИ	– Германский Археологический институт. Берлин.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГАМ	– Группа археологического мониторинга ИИМК РАН.
ГЕОХИ	– Институт геохимии им. В. И. Вернадского. М.
ГИИИ	– Государственный институт истории искусств. Л.
ГИМ	– Государственный Исторический музей. М.
ГИН	– Геологический институт. М.
ГИОП	– Государственная инспекция по охране памятников. Л.
ГМЭ	– Государственный музей этнографии народов СССР. Л.
ГОА	– Группа охранный археологии ИИМК РАН.
ГПБ	– Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л.

ГРМ	– Государственный Русский музей. Л./СПб.
ГСЛРА	– Группа славяно-русской археологии ЛОИИМК/ЛОИА АП СССР.
ГСТ	– Герой Социалистического Труда.
ГХЭ	– Группа хоздоговорных экспедиций ЛОИА АН СССР.
ГЦА	– Группа цифровой археологии ИИМК РАН.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ГЭС	– гидроэлектростанция.
д. и. н.	– доктор исторических наук.
доц.	– доцент.
д-р	– доктор.
ЕГИИМК	– Елабужская группа ИИМК.
ед. хр.	– единица хранения.
ЕРАПО	– Ежегодник Русского антропологического общества. СПб./Пг.
зав.	– заведующий (ая).
зам.	– заместитель.
ЗДИ	– Заслуженный деятель искусств.
ЗДН	– Заслуженный деятель науки.
ЗИИМК	– Записки ИИМК РАН. СПб.
ЗИН	– Зоологический институт. Л./СПб.
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. СПб.
ИА	– Институт археологии АП СССР/РАП. М.
ИА АН УССР	– Институт археологии АН УССР. Киев.
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия. СПб./Пг.
ИАТ	– Институт археологической технологии ГАИМК.
ИАУ	– Институт археологии АН Украинской ССР/НАН Украины. Киев.
ИАХ	– Императорская Академия художеств. СПб./Пг.
ИААЭ/ИАЭ	– Институт антропологии, археологии и этнографии/Институт антропологии и этнографии АП СССР. Л.; М.
ИАЭТ	– Институт археологии и этнографии СО РАП. Новосибирск.
ИБ	– Институт востоковедения АП СССР/РАП. М.
ИВР	– Институт Восточных рукописей РАН. СПб.
ИГАИМК	– Известия ГАИМК. Л.
ИГАН	– Институт географии. АН СССР/РАН. М.
ИГГД	– Института геологии и геохронологии докембрия. Л./СПб.
ИГОС	– Институт геохимии окружающей среды. Киев.
ИИ	– Институт истории АП СССР. М.
ИИДО	– Институт истории доклассового общества ГАИМК.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л./СПб.
ИИРО	– Институт истории рабовладельческого общества ГАИМК.
ИИТ	– Институт исторической технологии ГАИМК.
ИИФО	– Институт истории феодального общества ГАИМК.
ИИФФ	– Институт истории, филологии и философии СО АП СССР. Новосибирск.
ИКС	– История кочевого скотоводства.
ИКУ	– Императорский Казанский университет.
ИЛИ РАН	– Институт лингвистических исследований РАН. СПб.

ИМАО	– Императорское Московское Археологическое общество.
и. о.	– исполняющий обязанности.
ИППО	– Императорское Православное Палестинское общество. СПб./Пг.
ИПУ	– Императорский Петроградский университет.
ИРАИМК	– Известия РАИМК. Пг./Л.
ИРАО	– Императорское Русское археологическое общество. СПб./Пг.
ИРВИО	– Императорское Русское военно-историческое общество. СПб./Пг.
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество. СПб./Пг.
ИС	– Институт славяноведения АН СССР. М.
ИСПб АН	– Императорская Санкт-Петербургская Академия наук.
ИСПБУ	– Императорский Санкт-Петербургский университет.
ИТЛ	– Исправительно-трудовой лагерь.
ИЭ	– Институт этнографии АН СССР. М.
ИЗОПР	– Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Новосибирск.
ИЯ РАН	– Институт языкознания РАН. М.
ИЯМ	– Институт языка и мышления им. П. Я. Марра. Л.
канд.	– кандидат.
КГИОП	– Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга.
КГУ	– Казанский государственный университет.
КД	– Каракумские древности. Ашхабад.
КемГУ	– Кемеровский государственный университет.
к. и. н.	– кандидат исторических наук.
КИДЖ	– Комитет по изучению древнерусской живописи.
КИКП	– Комиссия по изучению карт и путей РАИМК/ГАИМК.
КИМ	– Комиссия по изучению миниатюр РАИМК/ГАИМК.
ККИХТ	– Комиссия комплексного изучения художественного творчества при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР. Л.
КПИИОП	– Комитет полевых исследований и охраны памятников ИИМК АН СССР. Л.
КРН	– Комитет по работам ГАИМК на новостройках.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	– Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
КУОПП	– Комиссия по учету и охране палеоэтнологических памятников РАИМК/ГАИМК.
ЛАТ	– Лаборатория археологической технологии.
ЛГИ	– Ленинградский горный институт.
ЛГП	– Лауреат Государственной премии.
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет.
ЛИЖСА	– Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры (с 1944 г. им. И. Е. Репина).
ЛИЛИ/ (ЛГИЛИ)/	– Ленинградский (государственный) историко-лингвистический институт/ Ленинградский историко-философско-лингвистический институт
ЛИФЛИ	(Ленинградский институт истории, философии и лингвистики).
ЛКО	– Лаборатория камеральной обработки ЛОИА АН СССР.

ЛПЦ	– Ленинградский научный центр АН СССР.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИВ	– Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
ЛОИИМК	– Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИЭ	– Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР.
ЛОМО	– Ленинградское оптико-механическое объединение.
ЛПеди	– Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена.
ЛПИ	– Ленинградский политехнический институт.
ЛПК	– Лауреат премии им. А. П. Карпинского.
ЛСП	– Лауреат Сталинской премии.
ЛХТИ	– Ленинградский химико-технологический институт.
ЛЭТИ	– Ленинградский электротехнический институт.
МАЭ (К)	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Л./СПб.
МГБ	– Министерство государственной безопасности СССР.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКО	– Мастерская камеральной обработки ГАИМК/ИИМК АН СССР.
МОГАИМК	– Московское отделение ГАИМК.
МОИИМК	– Московское отделение ИИМК АН СССР.
МОРАИМК	– Московское отделение РАИМК.
НА	– Научный архив ИИМК РАН.
ПАП	– Панацональная Академия наук.
ПИИКСИ	– Паучно-исследовательский институт комплексных социальных исследований. СПб.
ПИК	– Паучно-исследовательский кабинет.
НКВД	– Народный Комиссариат внутренних дел СССР.
ННЗИА	– Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
НОЛД	– Новгородское общество любителей древности.
НП СЗНИИ	– Некоммерческое партнерство Северо-западного научно-исследовательского института культурного и природного наследия. СПб.
НСИМК	– Научный совет по изучению мировой культуры АН СССР.
НТО	– научно-техническая обработка.
ОАИЭ	– Общество археологии, истории и этнографии при КГУ.
ОАЦАК	– Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН.
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.
ОДИ	– Отдел древнерусского искусства ГРМ.
ОИАК	– Отдел истории античной культуры ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ОИПК	– Отдел истории первобытной культуры ГЭ.
ОИФ	– Отделение истории и философии АН СССР.
ОИФН	– Отделение историко-филологических наук РАН.
ОКН	– объект культурного наследия.

ОЛЕАЭ	– Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
ООА	– Отдел охранной археологии ИИМК РАН.
ООИД	– Одесское общество истории и древностей.
ОП	– Отдел палеолита ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ОПИ	– Отдел полевых исследований.
ОСАК	– Отдел Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ОСФА	– Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.
ОЭС	– оптико-эмиссионная спектрография.
ПАИ	– Петербургский (Петроградский) археологический институт. Пг.
ПАН	– Польская Академия наук.
ПГУ	– Петроградский государственный университет.
ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПИМК	– Проблемы истории материальной культуры. Л.
ПКИОР	– Постоянная Комиссия по изучению юга России РАИМК/ГАИМК.
ПКИГ	– Постоянная Комиссия по нумизматике и глиптике РАИМК/ГАИМК.
РА	– Рукописный архив.
РАДВ	– Разряд археологии Древнего Востока РАИМК/ГАИМК.
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. СПб.
РАИАГ	– Разряд археологии и искусства Армении и Грузии РАИМК/ГАИМК.
РАИИДВ	– Разряд археологии и искусства Индии и Дальнего Востока РАИМК.
РАИИРИВ	– Разряд археологии и искусства раннехристианского и византийского РАИМК/ГАИМК.
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры. Пг./Л.
РАН	– Российская Академия наук.
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
РАО	– Русское археологическое общество. СПб.
РАР	– Разряд археологии русской РАИМК/ГАИМК.
РАСА	– Разряд археологии Средней Азии РАИМК/ГАИМК.
РАСЗЭВ	– Разряд археологии средневекового Запада и эпохи Возрождения РАИМК/ГАИМК.
РГАК	– Российская государственная археологическая комиссия. Пг.
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории. М.
РГПФ	– Российский гуманитарный научный фонд. М.
РГРИ	– Разряд греко-римского искусства РАИМК/ГАИМК.
РДГКЮР	– Разряд древностей греческих колоний юга России РАИМК.
РДЗ	– Разряд древнерусского зодчества РАИМК/ГАИМК.
РДКК	– Разряд древнейших культур Кавказа ГАИМК.
РДККИАМ	– Разряд древних культур Кавказа и яфетического мира РАИМК/ГАИМК.
РДКС	– Разряд древних культур Средиземноморья ГАИМК.
РДРИСП	– Разряд древнерусского искусства и искусства славянских народов РАИМК/ГАИМК.
РИАН	– Радиевый институт им. В. Г. Хлопина. Л./СПб.
РИЧ	– Редакционно-издательская часть ГАИМК/ИИМК АН СССР.
РКИСВА	– Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.

РККА	– Рабоче-крестьянская Красная Армия.
РМ	– Реставрационная мастерская РАИМК/ГАИМК.
РО	– Рукописный отдел.
РП	– Разряд палеоэтнологии РАИМК/ГАИМК.
РПЦ	– Русская Православная Церковь.
РРЖ	– Разряд русской живописи РАИМК/ГАИМК.
РРК	– Разряд русской культуры ГАИМК.
РРМК	– Разряд раннеметаллических культур ГАИМК.
РСДРП(б)	– Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков).
РСИС	– Разряд Скифии и Сарматии РАИМК/ГАИМК.
РСКЕПА	– Разряд средневековых культур Европы и Передней Азии ГАИМК.
РСККИ	– Разряд средневековых культур Кавказа и Ирана ГАИМК.
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая республика.
РФ	– Российская Федерация.
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований. М.
РЭ	– Разряд этнографии ГАИМК.
РЭМ	– Российский этнографический музей. СПб.
РЯ	– Разряд языка.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
САМ	– Сектор античного мира ИИМК АН СССР.
САО	– Сектор античного общества ГАИМК.
САРФ	– Сектор архаических формаций ГАИМК.
САТ	– Сектор археологической технологии ИИМК АН СССР.
САФ	– Сектор античных формаций ГАИМК.
СБРЖ	– Сектор бронзы и раннего железа ИИМК АН СССР.
СВЕДП	– Сектор Восточной Европы дофеодального периода ИИМК АН СССР.
СГАИМК	– Сообщения ГАИМК. Л.
СГК	– Секция генетики культуры ГАИМК.
СГМИИ	– Сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
СДЕ	– Сектор дофеодальной Европы ИИМК АН СССР.
СДКПСА	– Сектор Древнего Кавказа, Передней и Средней Азии ИИМК АН СССР.
СДО	– Сектор доклассового общества ГАИМК.
СДП	– Сектор Древнего Причерноморья ИИМК АН СССР.
СДР	– Сектор Древней Руси ИИМК АН СССР.
СДРВЕ	– Сектор Древней Руси и Восточной Европы ИИМК АН СССР.
СДРВЕДФП	– Сектор Древней Руси и Восточной Европы дофеодального и феодального периода ИИМК АН СССР.
СЕСА	– Сектор Средней Азии ИИМК АН СССР.
СЕСАК	– Сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР.
СЕСФА	– Сектор славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР.
СЕСЦА	– Сектор Средней и Центральной Азии ИИМК АН СССР.
СЕЦА	– Сектор Центральной Азии ИИМК АН СССР.
СЗПИ	– Северо-западный политехнический институт. Л.

СК	– Сектор Кавказа ИИМК АП СССР.
СПК	– Совет народных комиссаров.
СО	– Сибирское отделение.
СОА	– Секция общей архитектуры ГАИМК.
СОЙКЭ	– Советско-Йеменская комплексная экспедиция.
СП	– Сектор палеолита ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР.
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет.
СПбИШ	– Санкт-Петербургский научный центр РАН.
СПбФИВ	– Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН.
СПбХТУ	– Санкт-Петербургский химико-технологический университет.
СПИ	– Сектор полевых исследований ГАИМК.
СПН	– Сектор палеолита и неолита ИИМК АН СССР.
СПФ АРАП	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
СССР	– Союз Советских Социалистических республик.
СФО	– Сектор феодального общества ГАИМК.
СФР	– Сектор феодальной Руси ИИМК АН СССР.
СФФ	– Сектор феодальных формаций ГАИМК.
СХ	– Союз художников СССР.
ТГИИМК	– Ташкентская группа ИИМК.
ТГУ	– Томский государственный университет.
ТИГИ	– Тувинский институт гуманитарных исследований при правительстве Республики Тыва. Кызыл.
ТУАК	– Таврическая ученая архивная комиссия. Симферополь.
УзФАН	– Узбекский филиал АН СССР.
Усольлаг	– Усольский исправительно-трудовой лагерь (бывш. Молотовская обл.).
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика.
ФА	– Фотоархив.
ФЛ	– Фотолаборатория.
ФО	– Фотографический отдел.
ФОН	– Факультет общественных наук ПГУ/ЛГУ.
ФТИ	– Физико-технологический Институт им. А. Ф. Иоффе. Л./СПб.
ФТИИ	– Факультет теории и истории искусства Академии художеств.
ФЭУ	– фотоэлектронный умножитель.
ХГУ	– Харьковский государственный университет.
ЦК КПСС	– Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.
чл.-корр.	– член-корреспондент.
ЭК	– Эгейская комиссия (Комиссия по изучению искусства и археологии эгейского периода в бассейне Средиземного моря и в прилегающих странах) при РГРИ.
ЭО	– Этнографический Отдел ГРМ.
ЭТЛ	– Экспериментально-трасологическая лаборатория ЛОИА АП СССР/ИИМК РАН.
ЮИМК	– Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.
ЮНЕСКО (UNESCO)	– Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization).

ЯИ	– Яфетический институт. Пг./Л.
Ямфак	– Факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ.
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford.
IHMC	– Institute for the History of Material Culture.
INTAS	– The International Association for the Promotion of Co-operation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union.
JAS	– Journal of Archaeological Science.
LBIA AS USSR	– Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR.
LBIHMC AS USSR	– Leningrad Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR.
NATO	– North Atlantic Treaty Organization.
RAHMC	– Russian Academy for the History of Material Culture.
RAS	– Russian Academy of Sciences.
SAIIMC	– State Academy for the History of Material Culture.

Научное издание

**Академическая археология на берегах Невы
(от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)**

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ

«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» книга
предназначена «для детей старше 16 лет»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,

95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 14.10.13. Формат 60×84 ¹/₈.

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 41. Усл.-печ. л. 105,84.

Тираж 700 экз. Заказ 3044

Печать с готового оригинал-макета

Первая Академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н

Телефон/факс: (812) 230-97-87

sales@dbulanin.ru (отдел реализации)

postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)

redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)

<http://www.dbulanin.ru>